

18+

Oks Ivgi

– Поцелуй меня. –
неожиданно для юности,
прошептала любимая.
– Поцелуй меня. Мне
это нужно сейчас,
как никогда...

Слёзы Венеции

Так сложились звёзды

Oks Ivgi

**Слёзы Венеции. Так
сложились звёзды**

«Издательские решения»

Ivgi O.

Слёзы Венеции. Так сложились звёзды / О. Ivgi — «Издательские решения»,

Продолжение саги «Так сложились звёзды». Венеция — город масок и опасных тайн. Адэлла прибывает сюда с отцом, которого все принимают за её мужа. В залах дворца дожей их ждёт вихрь интриг, но главным испытанием становится встреча с кардиналом Цезарио. Влиятельный красавец готов предать обеты ради страсти к «чужой жене». Адэлла сопротивляется чувствам, не зная, что у судьбы иные планы. Когда сердца бьются в такт плеску волн, а слёзы становятся ценой свободы в самом коварном городе мира.

© Ivgi O.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
«Слѣзы Венеции» ноябрь 1386 — февраль 1387г	8
1 глава. «Долгий путь»	9
2 Глава «Дворец Дожей»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Слёзы Венеции Так сложились звёзды

Oks Ivgi

Иллюстрации Jayflow GPT-4o

© Oks Ivgi, 2026

ISBN 978-5-0070-2447-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Элис Перрейрс стояла у окна и, сквозь мокрое стекло, задумчиво всматривалась в туманную даль. Её, когда — то прекрасные, серые глаза были полны печали. Дождь лил всю ночь напролёт и вот уже полдня. Осень основательно вступила в свои права и окутала весь Лондон и его окрестности своим холодным, оранжевым одеялом. В её покоях, не смотря на растопленный до предела, огромный камин, обложенный чёрным мрамором, было очень сыро и неуютно. Но женщина, казалось, этого вовсе не замечала. Мысли её сейчас были далеко от Вестминстерского замка. Они были рядом с путниками, которые, в этот самый момент, спешно покидали столицу королевства — Лондон, а следом и само английское королевство. Так как, оставаться здесь было вовсе не безопасно. Самой леди Перрейрс, конечно тоже мог угрожать гнев короля, но очень вряд — ли. Так как, придуманный ею план, весьма дерзкий и впоследствии реализованный, был почти гениальным. Она сама оставалась вне подозрений. Люди же, помогавшие ей осуществить задуманное, в той или иной мере, подверглись опасности. Кто — то в большей, кто — то в меньшей.

Адэлла и Альфонс Вустер приняли на себя основной удар. Гнев Ричарда чуть не стоил им обоим очень дорого. Лишь чувства к прекрасной графине, ещё таящиеся в глубине раненного сердца молодого монарха, не позволили ему лишиться их свободы, а возможно, впоследствии, и самой жизни. Красота Адэллы Вустер спасла им обоим жизнь, в буквальном смысле этого слова. Влюблённое сердце короля не позволило взять над собой верх долгу и разуму. И он, с тяжёлым и израненным сердцем, всё же отпустил обоих на свободу. Но было одно условие — они покинут королевство в самые ближайшие дни и больше никогда не пересекут его границ. Иначе их обоих будет ожидать заслуженное наказание. Обоих! Ричарда больше не тронут чары молодой и соблазнительной графини Адэллы Вустер. Леди Перрейрс искренне сожалела о том, что для достижения её собственных целей, пусть даже таких благородных, как спасение давнего друга, ей пришлось поступиться судьбами этих людей. С некоторых пор, ставших дорогими ей людей. Женщину терзали очень противоречивые чувства. С одной стороны, она добилась того, о чём так мечтала. Но, с другой стороны, чуть не погубила милую Адэllu и её мужа.

Мишель де Клиссон и Жирар де Мюзи так же не стали испытывать судьбу и дожидаться, когда люди короля сопоставят все факты и поймут, что в побеге пленника из Тауэра не обошлось и без их помощи. Эту колоритную пару не раз видели в обществе прекрасной графини Вустер и подобный исход был вполне возможен. Леди Элис сейчас ощущала себя, как никогда, потерянной, лишившись общества давней подруги, ставшей ей очень близкой за столько лет. С Мишель они познакомились очень давно, в одном из провинциальных французских городков. Волею судеб, Элис, будучи ещё замужем за первым мужем Томасом дэ Нарфордом, оказалась во враждебном королевстве, в провинции Бордо. Прелесть тех мест буквально околдовала молодую женщину. Околдовали её и прекрасные, небесно — голубые глаза молодого Филиппа, графа Карбон — Держерак де Керве, отца Гульвена, позже обрётшего известность в Англии, как Огненный Волк. Старший граф тогда был молод и горяч, леди Элис — ещё совсем юна и невероятно прекрасна. И они оба, на неделю, вовсе позабыли о своих законных супругах. Страсть захватила их с головой. Долгие, бордоские ночи, полные жарких, пламенных ласк и поцелуев, а утра, полные томной неги, сводили их обоих с ума. Страстный и молодой француз сумел растопить сердце и душу англичанки. Они, воспитанные врагами, вели баталии на белоснежных простынях, молчаливо хранящих следы их побед и поражений. Но неделя пролетела довольно быстро и настало время возлюбленным расставаться. Элис со своим кортежем отправилась дальше. Граф же, вернулся в свои земли. И казалось, что их расставание было навсегда. Но у судьбы особый юмор. Иногда, её шутки бывают особенно жестоки. В пути на леди Элис дэ Норфорд напали разбойники. Их было много, гораздо больше, чем людей Томаса,

сопровождаявших его молодую жену. Если бы не проведение, ниспославшее им подмогу, в лице людей Жирара дэ Мюзи, которые, во главе со своим господином, возвращались с охоты. Увидев ожесточённую битву рыцарей, закованных в броню, и довольно внушительной кучки вооружённого сброда, имевшей явное превосходство в количестве, Жирар, не раздумывая, выбрал, кому стоит немедленно оказать свою помощь. И гербы враждебного королевства на щитах латников совершенно не стали к этому препятствием. Его люди отважно сражались бок о бок с людьми Томаса. И увидев, что к англичанам присоединилась помощь, нападавшие тут — же поспешили ретироваться. Жирар и его люди не стали преследовать бандитов, так как среди людей леди Элис оказались раненные и им требовалась помощь. У нескольких человек из них раны были серьёзные. Граф де Мюзи препроводил их в замок своего соратника по оружию, Филиппа дэ Керве, располагавшийся в долине реки Оазы. Они с Мишель, вот уже несколько лет как нашли своё пристанище в стенах его мощной крепости. Элис Перрейрс была поражена и лишена дара речи, когда увидела хозяина и хозяйку этого замка. Графиня была молода и очень красива. Стройна, словно горная лань с длинными светло — русыми волосами, заплетёнными в тугие косы, и карими, слегка раскосыми глазами, обрамлёнными длинными ресницами. Было совсем не похоже, что она хоть раз рожала. Но за руку её держал мальчик лет двенадцати, их с графом наследник — Гульвен. Сам же граф оказался тем прекрасным рыцарем из Бордо, в чьих объятиях её сердце готово было от счастья выпрыгнуть из груди. Оба они молча взирали друг на друга и понимали, что судьба жестоко шутит над ними в который раз.

Покидала замок Элис с тяжёлым сердцем, по прошествии недели, когда её люди были вновь в состоянии продолжать путь. Графиня де Керве была на редкость приветлива и дружелюбна к гостям, хотя не могла не заметить тех жарких взглядов, которыми обменивались её муж и прекрасная английская дама. Но Филипп так и не посмел осквернить стены их жилища своим неподобающим поведением. Элис поняла это в первую же ночь в замке, когда оставила дверь своих покоев не запертой. Граф так и не пришёл к ней той ночью, не пришёл и последующими. Обида и боль терзали сердце женщины. Она так надеялась, что их мимолётная страсть ещё будет иметь продолжение. Но звёзды рассудили иначе. Элис оставалась одна ночь за ночью. И если бы не Мишель де Клиссон, верная спутница и возлюбленная их спасителя, тоже англичанка, Элис охватило бы полное отчаяние. Но девушка составила ей компанию. Они вспомнили родину, делились всякими сплетнями, ходившими при английском и французском дворах. За эту неделю им даже удалось подружиться. И спустя несколько лет, когда Мишель и Жирар вновь оказались в Англии, Элис с радостью оказала им гостеприимство, в доме своего второго мужа — Уильяма де Винздора. Их дружба протянулась через годы и с каждым новым — становилась всё крепче. Элис Перрейрс знала, что эта женщина, с душой авантюриста — пирата, никогда её не предаст, слишком многим они с Жираром были ей обязаны. И они, не задумываясь, соглашались на все просьбы своей госпожи.

Не отказали они в своей помощи и на этот раз. Спасти жизнь и даровать свободу сыну покойного Филиппа де Керве — Гульвену, было их общим долгом и обязанностью. Элис Перрейрс делала это во имя своей давней любви, когда — то поглотившей их с Филиппом с головой в пучину нежных и страстных ночей, в милом французском местечке, в провинции Бордо. Мишель же и Жирар отдавали, таким образом, покойному графу дань уважения и благодарности, за его многолетнее покровительство бедному дворянину, лишившемуся в своё время абсолютно всего.

«Слѣзы Венеции» ноябрь 1386 — февраль 1387г

1 глава. «Долгий путь»

Зима полностью вступила в свои права. Узкие улочки Лондона, его рынки и площади — всё это заметал снег, словно желая скрыть все ужасы и преступления, которые здесь нередко творились. По узким, каменным лабиринтам, под покровом ночи, не спеша продвигался небольшой отряд из шести всадников: четверо мужчин и двое женщины. Все они были вооружены и одеты в неприметные, дорожные костюмы.

— Адэлла. — обратился к одной из них, ехавший рядом всадник.

Это был её отец.

— Этой ночью мы покидаем город и, возможно, очень надолго. Постарайся свыкнуться с тем, что мы пробудем в изгнании, быть может, не один год. Гнев Ричарда порой не знает границ. Очень странно то, что мы до сих пор на свободе, а не в каменном мешке, одной из сторожевых башен Тауэра.

Адэлла невольно вздрогнула от этих слов. Она понимала, что уже давно нужно признаться отцу в том, что все произошедшее — это целиком и полностью лишь её вина. Но она молчала, не в силах заставить себя произнести хотя бы слово, зная, что если сейчас признается, то отец возненавидит её. И будет в этом абсолютно прав. Девушка не могла этого допустить и поэтому, по прежнему, не проронила ни единого слова. За спиной слышался равномерный цокот копыт, словно тревожный набат, предупреждавший о грядущей беде. Следом за семейством Дизби ехали четверо: Фьёретто Моничели — слуга, нанятый графом незадолго до всего случившегося; Мария — горничная, всегда находившаяся подле молодой госпожи и два солдата, верных сэру Альфонсу долгие годы. Им — то он точно мог доверять. Их звали: Перен и Пётр. Мать родила их с разницей в один год.

— Сэр, — нарушив воцарившееся молчание, обратилась к отцу девушка, — мы едем в Венецию?

— Да. — коротко ответил граф.

Мужчина не желал больше говорить: слишком тяжело переносил он обиду, нанесённую его чести самим королём. Человеком, которому он служил верой и правдой не один год. Человеком, за чьего отца он когда-то был готов отдать свою жизнь и жизнь своих солдат.

Путь предстоял долгий и сложный. Этой ночью, у городских ворот Лондона, на причале их ожидал небольшой купеческий корабль, направляющийся во французский порт Кале. Оттуда сэр Альфонс и его спутники смогут продолжить свой путь в далёкую Венецию. Судно плавно покачивалось на волнах, когда Адэлла и остальные путники подъехали к причалу. Всех их ожидало тяжёлое путешествие в южный город — республику. Там когда — то жили предки графа, там же была и родина Фьёретто. «Святая Анна» приняла на свой борт путников, а капитан громким голосом поприветствовал их:

— Добро пожаловать! Корабль через пять дней, может быть даже чуть раньше, доставит вас к берегам Франции, куда вы все так стремитесь. Но за это надо щедро заплатить. К сожалению, мои матросы очень бедны, а есть надо всем — его светло-голубые, почти прозрачные глаза, с интересом, смотрели на вновь прибывших на корабль.

Сэр Альфонс промолчал, он лишь бросил капитану увесистый мешочек набитый монетами. Адэлла смотрела то на отца, то на капитана, и ей показалось, что эти двое знакомы.

— Мы хотим отплыть, как можно скорей. — ответил за своего хозяина капитану Пётр Фарт — один, из верных солдат графа. — Вот вам деньги, делайте теперь то, что обещали! Отдайте немедленно приказ своим матросам, что мы отплываем!

Капитан смерил того равнодушным взглядом и, усмехнувшись себе под нос, приветливо произнёс:

— Я ждал только вашего прибытия. Теперь вы на борту и нас больше ничего не держит в Англии. Поднять паруса! Поднять якорь! — громко прокричал он своей команде.

Корабль медленно отплывал от пристани, оставляя за собой зимний Лондон, запорошённый снегом, город холодных ветров и туманов. Адэлла стояла у самого края борта и всматривалась вдаль. Впереди её и отца ожидали незнакомые страны и земли. Девушка знала о них лишь то, что рассказывали бывалые путешественники. Теперь же она увидит их собственными глазами. Увидит Францию — страну, где был смертельно ранен её отец. Вернее сказать, человек, которого она считала таковым долгие годы. Какими она увидит эти земли? Что её там ожидает? Горе или счастье? Эти вопросы, ещё долго будут мешать девушке, уснуть сегодня.

— Вам не жалко покидать королевство? Вашу родину? — раздался за спиной девушки чей-то сиплый голос, показавшийся ей знакомым.

Она тут же повернулась к говорившему, и без труда узнала в мужчине в чёрном плаще с капюшоном Огненного волка — того самого человека, которому помогла бежать из Тауэра несколько дней назад и из-за которого, она и отец, теперь вынуждены покидать родное королевство.

— Это вы? — воскликнула Адэлла. — Но какого черта вы тут делаете? Не думала, что ещё когда-нибудь вас встречу. Это просто невероятно. Судьба смеётся над нами.

— Я возвращаюсь на родину... — усмехнувшись, ответил мужчина, но, в его голосе не было радости, он был скорее подавлен. — Домой, где меня никто не ждёт...

— Почему вы так говорите? Леди Перрейрс так стремилась освободить вас, чтобы вы смогли покинуть враждебную вам Англию и вернуться в родную Францию. — удивилась она, но тут же спохватилась, что явно лезет не в своё дело.

— У меня больше нет никого на этом свете. Я остался совсем один и в моём замке, меня никто не ждёт, кроме нескольких верных слуг.

— Мне очень жаль... — вздохнула молодая графиня Вустер.

Но не договорила, потому что рядом раздался голос сэра Альфонса:

— Я вижу, судьба не отвернулась от нас! — усмехнувшись, воскликнул он. — Капитан, поворачивайте корабль обратно в порт. Я вам приказываю! Сию же минуту!

— Зачем это? Что вы собираетесь делать? — испугалась девушка.

— Я верну этого негодяя Ричарду, и он, возможно, помирует нас, — ответил дочери граф. — Мы сможем хотя бы вернуться в наш дом в Санта — Вустер.

— Нет, вы не посмеете этого сделать! — громко воскликнула Адэлла. — Капитан, не слушайте графа и продолжайте путь во Францию! Мы по-прежнему плывём туда!

— Ты сошла с ума?! — в свою очередь закричал на дочь сэр Альфонс.

— Не смейте повышать на неё голос! — вмешался в их перебранку беглый узник. — Она не заслужила этого. А насчёт того, что король простит вам что-либо, вы зря на это упоаете. Ричард злопамятен и до последнего будет верен своему слову. Если он сказал, что не желает больше вас видеть в своих землях, значит, так тому и быть. Он не изменит своего решения, ни при каких обстоятельствах. Уж я — то об этом знаю, как никто другой.

— Твоего мнения я не спрашивал! — рявкнул граф Вустер.

Он был просто в ярости. Подумать только, этот человек был виноват в его нынешних несчастьях. А когда наконец появилась возможность всё исправить, ему запрещает это сделать собственная дочь. Он не мог понять, что всё же происходит.

— Адэлла, ты сошла с ума от горя? — повторил он в недоумении свой вопрос. — Почему ты защищаешь этого человека? Ты ведь не знаешь о нём совсем ничего!

— Ошибаетесь, я знаю этого человека! — решительно ответила дочь. — Он помог мне и Рафаэлю много лет назад вернуться домой. И я благодарна ему за это. Если бы не он, то разгневанные крестьяне отца могли бы нас просто растерзать.

— Адэлла, молю, послушай меня! Он убил твоего отца! — не унимался граф. — Он повинен в смерти графа Льюиса Фиджеральда!

Адэлла застыла, но всего лишь на мгновение. В следующее, она пришла в себя. Этот человек просто не мог сотворить такое. Она отказывалась в это верить. Отец, наверное, ошибается. Не может быть, чтобы этот добрый человек мог быть повинен в убийстве Льюиса — человека, который для всех считается её отцом.

— Это неправда, — тихо произнесла девушка, — скажите мне, что это неправда! — повторила она ещё тише, глядя на французского дворянина.

— Это правда, — раздался тихий, с хрипотцой голос Огненного волка.

Адэлла вся сжалась, словно от дикой боли. Нет, этого не может быть. Неужели она помогла спастись от королевского правосудия человеку, виновному в смерти воспитавшего её графа Фиджеральда? Всё в голове перепуталось и она кинулась прочь, не в силах больше выносить этих ужасных мыслей. В этот момент ей хотелось броситься за борт и не слышать больше ни единого слова. Но нет, она этого не сделает. Сэр Альфонс хотел кинуться следом, но Перен и Пётр удержали его, объяснив господину, что его жене сейчас следует побыть одной. Капитан же судна не внял требованиям одного из пассажиров, пусть даже и таких настойчивых. В Кале — его ждали. Поэтому, он и не собирался задерживаться в пути, даже из-за чьей-то внезапной прихоти, будь она неладна. Они придут туда, не смотря на чьи либо пожелания, вовремя. А уж там, как их душеньке будет угодно. Они смогут вернуться на английский берег, и на любом другом судне.

К утру, столь острое желание Адэллы побыть одной прошло. Прошла и, внезапно вспыхнувшая, ненависть к Огненному волку, уступив место желанию поговорить с ним о случившемся на палубе. Она проплакала всю ночь, вспоминая детство, вспоминая отца, вспоминая, как она страдала, когда ей сообщили об его гибели. Она клялась тогда, что отомстит человеку, отнявшему отца у них с братом. Но судьба в который раз зло пошутила над ней! Она спасла этого человека от гнева Ричарда.

Огненный волк стоял на палубе в полном одиночестве и смотрел в голубую, морскую даль. Он вздрогнул от неожиданности, когда Адэлла подошла сзади и холодным, тихим голосом обратилась к нему:

— Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов, граф. То, что вы сказали вчера вечером было правдой? Ответьте мне, пожалуйста! Но только правду, не утаив ничего! Я так устала от постоянной лжи!

Огненный волк продолжал молчать. Его печальные глаза, не отрываясь, смотрели на неё. Девушка продолжила:

— Это вы виновны в смерти графа Льюиса Фиджеральда? Вы его смертельно ранили тогда в Кале? Вы, или все же кто-то другой? — в её голосе прозвучали ноты робкой надежды.

— Да, это был я... — с трудом произнёс мужчина эти слова ещё более сильным голосом, — это я убил твоего отца...

Лицо девушки стало бледным. На этот раз не может быть никакой ошибки. Он не отрицает, что действительно виновен в смерти сэра Льюиса. И что же ей теперь делать? Вновь убежать? Нет! Она не станет этого делать. Ей во что бы то ни стало нужно узнать всё, что тогда произошло. Узнать всё, до мельчайших деталей. Быть может так, её сердце хоть немного сможет успокоиться.

— Я не могу в это поверить, — тихо прошептала девушка, — я отказываюсь. Вы не могли этого сделать. Ну, скажите же мне, что это ложь! Прошу вас!

Постепенно её голос готов был перейти в крик.

— Не смею вам лгать, леди Адэлла. Это истинная правда. — вновь повторил граф.

— Но как такое могло произойти? Я же всегда представляла вас другим! Верила, что вы один из самых чистых и честных людей в этом лживом мире. Что вы не можете поступать

подобным образом. Вспомните, вы же тогда помогли нам с братом, спасли нас от гнева крестьян графа. Помогли вы, также, и одной маленькой девочке, когда ваши солдаты хотели её убить. Вы не позволили пролиться крови невинных детей, так почему же вы убили графа? Почему вы убили человека, которого я так долго считала своим отцом и безумно любила? Почему? Зачем? Как вы могли?

— Я далеко не так безгрешен, леди Адэлла, как вы себе это представляли. Но в своей смерти ваш отец виноват сам. — после долгого молчания ответил граф. — Мне в тот момент не приходилось выбирать. Граф Фиджеральд должен был умереть. И он это заслужил. Ваше дело, поверите вы мне или нет!

— Замолчите, — сквозь зубы процедила Адэлла. — я не верю вам. Уже не в первый раз, я убеждаюсь в том, что на этой земле слишком мало честных людей, чьи руки не запятнаны чужой кровью. И слишком много, ищущих себе какое либо оправдание.

— Кровь графа не была невинной и тем более напрасной. — Буквально взорвался Огненный волк. — Извольте меня выслушать, леди Адэлла! Вы же это и собирались сделать, когда пришли сюда? Кровь сэра Льюиса не была неоправданно пролитой. Он хотел убить меня, а я всего лишь защищался. Передо мной встал выбор: погибнуть самому или спастись, убив этого обезумевшего человека. Извините, но я выбрал второе. Я изначально совсем не хотел его убивать...

— Но это он умер, и это его тело покоится в семейном склепе, в «Фиджеральд — Парке». — резко прервала его девушка.

— Я ещё раз говорю вам, что не хотел этого! Но мне пришлось. — вновь повысил голос собеседник, и Адэлла вздрогнула.

До неё потихоньку начало доходить, что, быть может, он и прав. Быть может, на то были причины и, причём, очень веские.

— Он всем сердцем жаждал моей смерти. Он меня люто ненавидел. Как бы неправдоподобно это ни звучало. Мы ведь были почти не знакомы.

— За что он мог тогда вас ненавидеть? За то, что вы француз?

— Нет, юная леди, он ненавидел меня за то, что я был внебрачным сыном леди Магдалины Фиджеральд.

— Магдалины Фиджеральд? Его мачехи? — не поверила своим ушам девушка. — И с чего ему вас ненавидеть за это? Что за ерунда! Не может этого быть.

— Это сущая правда! — возразил ей Огненный волк. — Я внебрачный сын его мачехи. Он возненавидел её, когда понял, что она никогда ему не достанется. А когда узнал, что у неё есть сын, возненавидел и его. И эта ненависть росла в нём с каждым годом.

— Но как он узнал о вас? Вы ведь жили во Франции? Я правильно понимаю? А он в Англии. Как такое возможно?

— Я был усыновлён семьёй графа Филиппа Карбон — Доржерака де Керве, родственников матери. Моя приёмная мать приходилась родной сестрой Магдалине Фиджеральд.

— Но как Льюис, мой отец, мог об этом узнать? — вздохнув, произнесла Адэлла. — Насколько я понимаю, это хранилось в тайне.

— Да, милая моя леди. — подтвердил её предположения Гульвен. — Но для хитрого и изворотливого ума твоего отца, видимо, не существовало преград. Он обо всем разузнал, подслушивая под дверью разговоры Магдалины и своего отца. Она не скрывала от мужа моё существование. Один из этих разговоров и был подслушан юным графом. Он тут же возненавидел меня и жаждал причинить ненавистной женщине боль, погубив меня. И однажды близь Кале ему это почти удалось.

Огненный Волк вновь, с точностью, вспомнил тот злополучный день. Точней сказать, то раннее утро. Гульвен и его люди неслись во весь опор, вдоль скалистого берега, пытаясь оторваться от группы англичан, настойчиво преследовавших их вот уже не первое лье. Кони,

все в мыле, устало хрипели, но из последних сил стремительно несли своих всадников вперёд. Внезапно верный спутник молодого графа де Керве во всех боях — Красавец громко заржал и резко вскочил на дыбы. Мужчина еле сумел удержаться в седле. В бедре у коня торчала стрела, метко выпущенная из арбалета преследователей. Следом в цель попали ещё две, выпущенные рыцарем в сверкающей броне и чёрном плаще, перекинутом через левое плечо. Ткань плаща во время погони, подобно чёрным крыльям, развевалась и создавала весьма зловещее зрелище. Рыцарь преследователь — словно сам ангел смерти, внушал страх. Его доспехи ярко сверкали в лучах восходящего солнца и буквально слепили Гульвена и его людей. Французский отряд, увидев, что конь господина серьёзно ранен и не может продолжать скачки, поторопились тоже остановиться. Оставить Огненного Волка одного они не могли. Раз уйти от погони было уже невозможно, они вступят в схватку и попытаются одержать победу. Англичане, стремительно приближавшиеся, тоже явно не собирались проигрывать. Следуя примеру своего предводителя, французские войны спешили на песчаный пляж и приготвилились отразить нападение противника.

Англичане почти моментально настигли преследуемых. Всадник в чёрном плаще на ходу соскочил со своего боевого коня чёрной масти. И во главе своих людей ринулся на неприятеля. Он яростно раздавал удары мечом направо и налево, продвигаясь к предводителю французского отряда с эмблемой на щите, изображавшей волка на алом фоне. Несомненно, его целью был именно этот рыцарь. Неспроста, он с таким остервенением гнал взмыленного Нарцисса, крича своим людям:

— Он не может уйти! Вперёд! Видит Бог, я его настигну! Ну же, ещё совсем чуть — чуть.

Гульвен не мог слышать этих криков, но он понимал по рьяному натиску рыцаря в чёрном плаще, что именно «Он» является его целью. Это не было похоже на обычную попытку преследования врага. После столь длительной, не увенчавшейся успехом погони, обычно приходит решение отступить. Но этот человек готов был насмерть загнать своих лошадей, но настигнуть неприятеля любой ценой. Что же, Огненный Волк примет, навязанный этим незнакомцем, поединок.

С такой же готовностью отразить нападение, встретил преследователей и весь французский отряд. Они искусно владели оружием и отбивали все выпады врага так, что люди английского рыцаря, уставшие во время ночной погони, начали потихоньку выдыхаться. Теперь французы начали оттеснять их к скалам, стараясь загнать тем самым в ловушку. Граф Вустер, сопровождавший своего друга в этой сумасшедшей и бессмысленной, как ему казалось, погоне прокричал ему:

— Льюис, отступаем. Пока есть возможность уйти. Их больше. Силы не равны.

Но граф Фиджеральд, по прежнему продолжал атаковать, столь ненавистного ему человека, с волком на щите. Он, словно, не слышал своего друга и соратника по оружию. Сквозь пелену ненависти и злобы, он видел лишь его фигуру, тоже закованную в броню. Столь ненавистный ему молодой граф Карбон — Держерак, оказался в бою весьма достойным соперником. Он, с особым мастерством, отражал все яростные удары Льюиса Фиджеральда. «Силы Всевышние, да он не успокоится, пока не убьёт меня» — проскользнула в голове Гульвена мысль, когда разъярённый англичанин принял пожалуй двадцатую попытку занести над его головой свой меч и разрубить им череп своего неприятеля. Удар за ударом, он отражал яростные попытки соперника. Порой казалось, что это не человек перед ним, а сам повелитель ада, поднявшийся на землю из под земли, с одной лишь целью — забрать его с собой в преисподнюю. И он шёл к исполнению этой цели, казалось, не зная усталости. Удар, ещё удар, и ещё. Гульвен ощущал, что силы понемногу оставляют его. Неужели этот посланец тьмы совсем не устаёт? Но нет, видимо, ему тоже не чужды земные слабости. Англичанин торопливо скинул с головы шлем, совершенно забыв об осторожности. Все его волосы были мокрыми от пота и чёрными прядями прилипли к лицу и шее. Гульвен увидел его лицо, искажённое ненавистью,

и серо — зелёные глаза, готовые пронзить его в самое сердце, вместо меча. Очень знакомые глаза. И лицо тоже знакомое. Перед Гульвеном, с мечом в руке, стоял граф Льюис Фиджеральд, собственной персоной. Мужчина не сразу узнал его. Всё — таки, с их первой встречи, прошло несколько лет. Ещё тогда, хозяин Фиджеральд Парка не проявил к нему ни грамма учтивости, не смотря на счастливое возвращение его беглых детей. Теперь же, этот человек вообще жаждал его смерти. Подтверждением тому, были и слова англичанина, брошенные сквозь зубы:

— Ты, всё равно сдохнешь, клянусь небесами! — сплюнув на песок, он перекинул меч в другую руку и с яростным криком:

— Сдохни, жалкое отродье своей матери! — кинулся на него.

В этот самый момент, Гульвен, отступив на шаг назад, внезапно запнулся за выступ скалы и, не удержав равновесия, с грохотом рухнул на спину. Всё остальное произошло в долю секунды. Льюис Фиджеральд навис над ним с, занесённым над головой, сверкавшим в утренних лучах оружием. Ещё миг, и оно снесёт ему голову. Гульвен осознавал это, как никогда остро. В зелёных глазах графа Фиджеральда сверкал дьявольский огонь преисподней. Ещё миг... Огненный Волк не стал его дожидаться и, молниеносно, со всей силы вонзил свой меч в грудь англичанина. Острая дамасская сталь легко прорубила доспехи и глубоко вошла в плоть. Льюис зарычал, словно раненный зверь, и подкошенный болью, пал перед врагом на колени. Меч по прежнему был в его руке. Из последних сил, он попытался нанести свой удар и, если бы не молниеносная реакция Гульвена, изловчившегося отразить удар раненого, но ещё не поверженного врага, то английский дьявол, всё же, смог бы забрать его с собою в ад. Он, с силой, пнул противника ногой в грудь и тот, с грохотом упал навзничь, наконец — то выронив своё оружие на песок. Увидев это, граф Вустер, с мечом наперевес, кинулся на мерзавца, повергнувшего друга на землю. Но люди Огненного Волка преградили ему дорогу своими мечами. Они ясно дали понять, что у англичан есть два варианта. Первый — продолжить бой и большинством полечь рядом со своим предводителем. Или же, сложить своё оружие сейчас и, беспрепятственно забрав раненого графа, отправится восвояси. Так, у них будет хоть какой — то шанс попытаться спасти жизнь этого достойного война, поверженного в честном поединке.

Адэлла молча выслушала эмоциональный рассказ Гульвена. По её щекам ручьём текли слёзы. Перед ней вновь открывались семейные тайны Фиджеральдов и тех людей, которые имели к ним хоть какое-то отношение. И это были, порой, очень жестокие и мрачные тайны, которые следовало бы навсегда похоронить во мраке прошедших лет. Сколько их ещё хранит эта «благочестивая» семья, никто не мог точно сказать. Несмотря на запрет, эти тайны всё же кому-то рассказывали, словно открывая настежь двери в разрушенный храм, позволяя сквозняку сбить со стен вековую пыль. Девушка продолжала молчать, внимательно вслушиваясь в плеск волн Па — де — Кале, пролива, разделявшего два враждебных королевства: Англию и Францию.

— Незадолго до этих печальных событий, при которых был смертельно ранен Льюис, упокой Господь его грешную душу, я узнал о своих настоящих родителях от Марии, графини де Керве, когда та была при смерти. — продолжил свой рассказ мужчина. — Она рассказала мне, что я приёмный ребёнок и моей настоящей матерью является её сестра — та самая злополучная Магдалина, которая вышла замуж и жила в Англии, в семье графа Фиджеральда, чей сын вскоре чуть не отправил меня к праотцам. Упокойся его душа с миром.

— А кем был ваш отец? Ваш отец по крови? — дрогнувшим голосом спросила Адэлла, когда Гульвен внезапно замолчал, погружившись в воспоминания о далёком детстве, о том времени, когда в нём самом ещё жила вера в то, что добро побеждает зло, почерпнутая в сказках и легендах, которые ему рассказывала перед сном кормилица.

— Моим отцом был некий дворянин, англичанин, имевший венецианские корни. Его звали Бернардо, а вот его полное имя я никак не могу вспомнить. Кажется, оно начиналось на «В»: ... Вистер... Винстер... быть может, Вастер...

— Вустер? — перебила его рассуждения девушка, понемногу терявшая дар речи от складывающейся картины. — Вашего настоящего отца звали Бернардо Вустер? Не так ли?

— Кажется, да, — негромко вздохнув, ответил Гульвен. — Моя кровная мать познакомилась с ним, когда он был во Франции. Раненый, он попросил убежища у них в замке, близ Анже.

— Значит ваш отец Бернардо Вустер? — продолжала задавать один и тот же вопрос девушка. — Вы никогда не пытались разузнать о нем побольше? Например, знал ли он вообще о вашем существовании?

— Нет, я посчитал это лишним. — коротко ответил мужчина.

— Но почему? Разве вам никогда не хотелось его увидеть? — настойчиво недоумевала Адэлла.

— Нет, не хотелось. — последовал вновь отрицательный ответ. — Он сбежал из замка, как только узнал о том, что моя мать беременна. Он не желал, чтобы его что-то связывало с Францией — страной, с которой его суверен вёл войну. Тем более чтобы этим связующим звеном был бастард. Единственным моим желанием, когда узнал эту тайну, было лишь увидеть женщину, подарившую мне жизнь. Хотел сказать, что не испытываю к ней ненависти. Но несчастная, к тому времени, к сожалению, была уже мертва.

— Но она тоже бросила вас, как и отец. — тихо прошептала Адэлла, прекрасно понимая, что сейчас испытывает этот мужчина, вспоминая о женщине, подарившей ему жизнь.

— Она иначе не могла поступить. — возразил ей Гульвен. — Родители вынудили её это сделать. Они дождались, когда я появлюсь на свет, а затем просто отдали меня её родной сестре, женщине, которая и воспитала меня, как своего собственного сына. Своих у неё с Филиппом никогда не было. И поэтому, всю свою любовь они отдали мне.

— Адэлла! — внезапно окликнули девушку сзади.

Она обернулась и увидела, как к ним, быстрым шагом, направляется сэр Альфонс. Он твердо ступал по палубе, будто корабль и вовсе не бросало на волнах и под его ногами была твёрдая земля. Лицо мужчины было перекошено от злости.

— Адэлла! — прокричал он, уже подойдя ближе. — Я и представить себе не мог, что после всего, о чём узнала, ты всё ещё сможешь разговаривать с этим человеком. Я не верю своим глазам!

— Не стоит удивляться. — как никогда, холодно ответила девушка. — Я просто пытаюсь понять, почему он всё же сделал это. Никто мне не смог бы в этом помешать, вы слышите?

— То, что он совершил — настоящее преступление! — продолжал настаивать на своём граф. — Я его всем сердцем ненавижу за содеянное. И видит Бог, он умрёт от моей руки, не будь я граф Дизби.

Альфонс тоже помнил то злополучное утро, когда французский рыцарь бился с Льюисом. Он не мог видеть всей битвы, так как приходилось защищать свою собственную жизнь, отбивая яростное нападение людей Огненного волка, но он прекрасно видел тот самый удар в грудь, принёсший смерть Льюису Фиджеральду. И всё это время, он не мог простить французу этого самого удара. Будь он чуть менее сильный, а рана — чуть менее глубокой, всё могло бы иметь совсем иной исход. Его друг мог бы остаться в живых. Но удар оказался смертельным. И именно этого Альфонс не мог простить проклятому французу. Тогда, на скалистом берегу, он не убил мерзавца по двум причинам. Первая — их силы были не равны и это было бы равносильно самоубийству. Вторая — нельзя было упустить последнюю возможность и спасти тяжело раненого, но всё ещё живого Льюиса. Но попытки оказались тщетны и его друг всё же отдал Богу свою грешную душу, по пути в Англию. Лишь одно позже помешало Альфонсу убить проклятого француза в камере Битчема — приказ короля беречь узника, как зеницу ока. Он, как верный подданный, не посмел ослушаться Ричарда, как бы горячо не желал этого. Но теперь, когда он больше не верный подданный своего короля и исполнять его приказы больше

не обязан, здесь на корабле, или на берегу, на том же самом, проклятом берегу, он может это сделать, вызвав заклятого врага на честный бой. От одной этой мысли по телу мужчины пробежала дрожь.

— Вы хотите обагрить руки кровью брата? — этот вопрос очень неожиданно прозвучал из уст дочери.

Граф Вустер, не понимая, о чём именно идёт речь, не сводил с неё глаз. Что за бред? Неужели, этот мерзкий француз, виновный во всём, может иметь с ним что-то общее? Неужели, речь сейчас о нём?

— О чём ты? — после недолгого молчания произнёс граф.

— Вашего отца звали Бернардо Вустер? Граф Дизби? Не так ли? — спокойным тоном произнесла девушка. — Так ведь? Так вот, его отец носил то же имя! У вас с этим человеком в жилах течёт одна кровь! Он сын того же человека, что и вы!

Сэр Альфонс по — прежнему ничего не понимал, внезапно открывшаяся правда никак не могла уложиться у него в голове. Слишком невероятно звучала эта новость. Ну каким образом этот человек может оказаться его братом? Хотя...

— Нет, это дьявольская ложь! Я в это не верю! — хриплым голосом произнёс он, не желая даже думать об этом.

— Это чистая правда, — вмешался в их разговор Гульвен, которого на территории английского королевства все предпочитали называть Огненным волком.

Голос его слегка подрагивал от внезапно нахлынувшего волнения.

— Нет, — по — прежнему продолжал настаивать сэр Альфонс. — Ты лжёшь! Ты не можешь быть моим братом! Я ненавижу тебя! Нет, это не правда!

— Ненавидите? — с насмешкой спросил бывший узник у своего тюремщика, но в этом смехе не было ни капли веселья, скорей всего, это был голос человека, смеющегося над самим собой, над комичной ситуацией, в которой он оказался.

Судьба вновь играла с ними свои жестокие игры.

— Ненавижу! — уже менее уверенно произнёс сэр Альфонс, встретившись глазами с холодным взглядом стоящего напротив.

С тем же серым и холодным взглядом, так похожим на отцовский.

Адэлла поневоле стала свидетелем этой немой сцены: её отец, полными злобы глазами, смотрел на Гульвена, взгляд которого не выражал ничего, кроме усталости. Казалось, будто этот человек вовсе не молодой мужчина, которому бы полагалось радоваться жизни и редкой удаче, посланной ему судьбой, а старец, повидавший на своём веку так много жестокости и несправедливости, что они смогли выжечь на его сердце незаживающую рану, каждый день причиняющую ему мучительную боль. Девушке даже на мгновение показалось, что излечить её сможет лишь сам Всевышний. И Он, она в это твердо верила, когда — нибудь, обязательно это сделает.

— Перестаньте! — громко произнесла Адэлла, нарушив воцарившуюся звенящую тишину. — Я не в силах больше слышать о вашей взаимной ненависти! Постарайтесь смириться с тем, что вы братья! Быть может небо не зря дарует вам друг друга именно сейчас?

— Я уже давно смирился с предполагаемым наличием законнорождённых детей у человека, который был и моим отцом тоже. Я не претендую ни на что. Мне ничего не нужно. — по — прежнему холодно произнёс Гульвен. — Отец считал меня французским отродьем. Он ни разу даже не пожелал взглянуть на меня. Мне тоже нет до него и до его семьи абсолютно никакого дела. Я всегда был один, и впредь останусь один! Мне никто не нужен!

Голос мужчины слегка дрогнул, будто внутри него самого что-то сломалось, что-то, что имело для него раньше огромное значение, и что утратило смысл в этот самый момент. Возможно, это была слабая, совсем призрачная надежда на то, что его примут в его настоящей семье. Но она не оправдалась. И вот теперь он видит сам, что в человеке, который является ему

братом, нет ничего, кроме глубокой ненависти к нему, так внезапно и непрошено возникшем в его жизни.

— А чего ты ожидал? — внезапно, громко рассмеялся граф Вустер. — Что я брошусь к тебе с объятиями? После всего?! Я должен, по твоему мнению, так сделать? Нет уж, не дождёшься! Я не изменю отношения к человеку, виновному во всём, не смотря на то, кто твой отец — мой отец! Слышишь, не изменю никогда! Будь проклят тот день, когда твоя развратная мамаша согрешила с моим отцом и родила тебя!!!

Губы Альфонса скривились в жестокой усмешке. Вся эта ситуация казалась ему до безобразия комично — жестокой и совсем неправильной. Она порочила имя его покойного отца — человека, который в его глазах всегда был абсолютно безгрешен.

— Не смей так говорить о моей матери! — прорычал в ответ Гульвен и кинулся было на обидчика, со сжатыми кулаками, но Адэлла встала на его пути.

Мужчина лишь сжал до бела кулаки, но остановился.

— Не смей! — повторил он уже менее эмоционально, так как почти не осталось сил возражать.

Осталась лишь тупая, приглушённая боль в груди, в области сердца.

— Отец! — внезапно для самой себя, закричала Адэлла, совершенно забыв, что они здесь не одни. — Неужели ты знал об этом? Неужели мог поступить так со своим братом? Как такое возможно?!!

— Я не знал, что именно этот человек, принёсший мне столько боли, является моим братом, нет. Но незадолго до своей смерти отец сам мне рассказал обо всём. Он рассказал, как познакомился во Франции с какой-то девушкой, очень красивой и юной. Они, поддавшись чувствам, были близки, а потом она заявила, что беременна и потребовала жениться на ней, совершенно забыв о том, что отец уже был женат на моей матери. Эта девушка шла на любые ухищрения, чтобы добиться своего, и он бежал обратно в Англию к своей семье. Больше он мне ничего не сказал.

Адэлла внимательно выслушала отца, а затем, немного помолчав, произнесла:

— Я не верю. Магдалина была слишком молода, чтобы быть способной на такое коварство. Нет. Отец вам скорее всего солгал, в попытке оправдать себя в ваших и в собственных глазах.

— Как, ты говоришь, её звали? — переспросил граф Вустер. — Магдалина?

— Да, её звали Магдалина. — вмешался в их разговор на повышенных тонах Огненный волк. — Вторая жена графа Фиджеральда, который и дал жизнь Льюису — этому чудовищу, который преследовал меня, как только узнал о моём существовании.

— Магдалина Фиджеральд? — ошарашенно переспросил Альфонс. — Но, неужели, возможны такие совпадения? Эта женщина и есть твоя мать? Женщина, с которой мой отец тайно встречался после смерти старого графа Фиджеральда? Его вдова? Как же тесен этот мир! Какими порой непредсказуемыми могут быть повороты судьбы. Она всё же вновь соединила бывших любовников. А значит слова покойного отца нельзя было расценивать так однозначно. Будь француженка — Магдалина так коварна, стал бы покойный граф Вустер, по прошествии стольких лет, вновь искать её общества? А тем более вновь допускать её к своему сердцу? Весьма сомнительно.

— Отец, — вновь обратилась к нему Адэлла, — этот человек никогда не видел своей матери, женщины, которая его родила. Он, наверное, хотел бы посмотреть ей в глаза и спросить, почему же она его бросила! Я права? — эта беда нашла отклик в израненной душе девушки, тоже брошенной, в своё время, собственной матерью.

Взгляд, полный печали, обратился к Гульвену, стоящему слегка в стороне и молча смотрящему в морскую даль. Из серых глаз по небритым щекам текли скупые мужские слёзы. И это не могло не растрогать Адэлла. Она навсегда запомнит его лицо в этот момент — лицо

брошенного ребёнка, истосковавшегося по родительской ласке, которая никогда не была ему знакома. Люди, воспитавшие его, как сына, были несомненно заботливыми и любящими, но видимо этого было недостаточно. Его же настоящие родители просто позабыли об его существовании. Не могли эти слёзы не подействовать и на сэра Альфонса, человека, отнюдь не лишённого сострадания и доброты. Он долго молчал, а затем прокашлялся и тихо произнёс:

— Ну я, пожалуй, пойду. Мне нужно все хорошо обдумать и взвесить. Я должен побыть один.

И он пошёл прочь, не произнеся больше ни слова. Да и что можно было сказать? Его разум отказывался верить во всю эту историю, но вот сердце ему подсказывало, что все сказанное — истинная правда.

Плавание на « Святой Анне» продолжалось ещё несколько дней и в течении этого времени граф Вустер старался избегать встреч со своим новоиспечённым братом. Иногда со стороны, это выглядело даже по детски. Альфонс привык просыпаться засветло и встречать рассвет, благодаря Всевышнего за каждый наступивший, новый день. Не изменял он этой привычке и во время морского путешествия. Каждое утро, мужчина выходил из своей каюты и подолгу прогуливался по палубе, не смотря на ледяной холод и сильный, порывистый ветер. Но стоило лишь появиться Гульвену, как мужчина сразу возвращался к себе и, почти весь день, оставался там. Адэлла наблюдала за всем этим со стороны и не вмешивалась, понимая, что отец вновь проявит упрямство и не станет её слушать. Слишком большим ударом для мужчины стала новость о внезапно объявившемся брате — французе.

«Святая Анна» причалила к пристани в Кале ранним утром. В порту было очень малолюдно. Лишь редкие прохожие окидывали взглядом небольшой отряд из семи человек, направлявшийся в центр города. Дорожные костюмы их были в пыли и грязи после долгого и утомительного пути, но в них по-прежнему угадывалось высокое положение их обладателей. Впереди, мирно беседуя, верхом ехали Адэлла с Огненным волком. Чуть поодаль от них, ехал сэр Альфонс, погруженный в раздумья. Он настолько сильно опустил голову, словно на его плечи разом давил весь небесный свод. В душе мужчины, полной смятения, сейчас боролись два человека: один был готов прямо сейчас, с распростёртыми объятиями, броситься к брату и сказать, что очень рад новости о его существовании; другой же -вовсе не желал признавать этого самого родства, вспоминая слова отца на смертном одре, произнесённый, не смотря на их вновь обретенную близость с Магдалиной: «Эти проходимцы не должны добиться своего, не должны войти в семью графов Вустер, великих Дизби. Не должны...». Это было очень странно. Видимо, что то, впоследствии, вновь произошло между ними. Одному Богу было ведомо, что именно. Они никогда этого не расскажут, так как оба уже мертвы.

Альфонс ехал молча, борясь с внутренними переживаниями и злостью. Он бы не хотел сейчас видеть, как его родная дочь беззаботно беседует с человеком, которого, по сути, должна была ненавидеть. Но не ему было указывать, как себя вести и что чувствовать. Всё вокруг, вдруг, в одночасье, стало очень сложным и запутанным.

Адэлла же, вовсе не чувствовала себя беззаботно, как могло показаться со стороны. На сердце словно лежал тяжкий груз. Она по-прежнему испытывала страдания от своей вины и тяжёлого бремени вынужденной лжи, но всё ещё была не в силах произнести:

— Отец, это я виновна в нашем изгнании. Только я одна. Я помогла бежать человеку, которого тебе было поручено охранять. Это всё я.

Отец её вряд ли поймёт и, тем более, не простит. Он будет видеть в своей дочери лишь предательницу. А этого девушка не сможет вынести. Лучше уж смерть.

Адэлла окончательно убедила себя в этом тем же утром. Стояла на редкость тёплая и солнечная, несмотря на время года, погода. Улочки Кале радовали глаз своей чистотой, люди приветливо улыбались им во след. И ничто, казалось бы, не предвещало беды, но стояли пут-

никам лишь приблизиться к главной рыночной площади, как всё изменилось. На площади собралось очень много людей. Где-то вдалеке зловеще чернел эшафот.

— Чёрт бы их побрал! — выругался сквозь зубы Гульвен, когда понял, что там происходит.

— Сегодня пятница, — пробурчал себе под нос один из солдат графа. — И они приводят в исполнение очередной приговор. Это происходит почти постоянно... Так что пора бы привыкнуть...

— Привыкнуть к смерти? — возмутилась Адэлла. — Простите, но я никогда не могу этого понять и принять. Можно конечно смириться или привыкнуть ко многому, я с этим согласна, но не к смерти, вот так выставяемой напоказ ради людской забавы.

— Они заслужили это! — внезапно вмешался в диалог кто-то из толпы.

Это был мужчина лет шестидесяти. Он с подозрением посмотрел на всадников, явно бывших недавно и говорящих, как и он, на английском. Что они делают в этом хоть и захваченном англичанами но всё же изначально французском городке? Ему было это неизвестно, поэтому во взгляде проскользнуло недоверие.

— А в чём же их вина? Кто они? — участливо поинтересовался сэр Альфонс, наконец прервав своё молчание.

— Они родные брат с сестрой. — злорадно усмехнувшись, ответил старик. — Из одной не очень богатой, но достаточно знатной семьи. Их отец погиб на войне с англичанами, и мать была вынуждена отдать своего единственного сына в монастырь, чтобы хоть как-то защитится от нищеты, которая на них свалилась. Но ни юноша, ни его сестра не смогли с этим смириться. Ими двигал лишь животный инстинкт, противоречащий законам Божьим. Во-первых, потому что любая связь между мужчиной и женщиной вне брака уже является греховной. А во-вторых, связь между родными братом и сестрой — это ещё более тяжкий грех. Можно сказать, преступление против Господа нашего и его закона.

От слов старика по телу Адэллы пробежал леденящий холод. Неужели это очередное предзнаменование, посылаемое ей свыше? Оно будто предупреждало девушку, что не стоит совершать ошибок, которых не смогли избежать те двое несчастных, юных создания, которых сейчас везли на грязной, вонявшей нечистотами и кровью, телеге, со связанными руками, к месту их казни. Молодая графиня, не отрываясь, следила за тем, как повозка медленно продвигалась сквозь толпу людей, которую грубо расталкивали солдаты, шествующие впереди. Двое несчастных влюблённых сидели близко, почти вплотную, словно ища защиты друг у друга. Юноше на вид было около двадцати, девушка на год или два младше его. Сердце Адэллы сжалось в груди. Она видела, что эти два юных создания очень напуганы, они с трудом сдерживают дрожь, чтобы никто не смог догадаться, как им сейчас страшно. Но их большие серые глаза не могли обмануть, они были полны ужаса, предчувствуя все муки предстоящей казни. Адэлла хотела, но не смогла, отвести глаз от несчастных. Так молоды и красивы, словно бы созданы для любви, но судьба сыграла с ними очень злую шутку, которая и привела их этим утром на площадь, где палач должен был свершить правосудие. От одной этой мысли, всё внутри девушки содрогнулось. Видят небеса, что на месте двух этих несчастных могли оказаться и они с Рафаэлем. Да не позволит же Бог когда-нибудь этому произойти!

— Именем правителя этого города, монсеньёра... — раздался в тишине гнусавый голос высокого мужчины, закованного в броню, взбежавшего вверх по ступеням на эшафот.

Но почти никто его не услышал. Глаза толпы по-прежнему не отрывались от осуждённых. Юноша поднялся в повозке и теперь возвышался над собравшимися вокруг, словно выражая всем своим видом превосходство над зеваками, пришедшими поглазеть на жестокое действие. Девушка последовала его примеру. Она тоже поднялась на ноги и, гордо вскинув голову, смотрела на толпу невидящим взглядом. Её стройная фигура, красоту которой не могли скрыть ни одни лохмотья, была создана для жизни в роскоши и удовольствии. Её лебединая шея, словно

просила надеть на неё ожерелье, а пышным, огненно-рыжим локонам были не нужны замысловатые причёски. Всё в этой девушке было волнительно и прекрасно.

— Господь, прости этим несчастным их прегрешения, — тихо, почти неслышно, прошептала Адэлла, искренне веря в невиновность несчастных, когда солдаты взвели их на эшафот.

По толпе пронёсся лёгкий шёпот. Юные любовники, по-прежнему гордо, стояли и смотрели на окружающих, с сожалением, а быть может, даже с презрением. Они видели лишь враждебные взгляды, и им было искренне жаль этих людей. Озверевшая, жаждущая крови толпа не знала, да и не могла знать, как два этих юных создания мечтают о скорейшей смерти, чтобы наконец-то остаться наедине, вдали от всей этой суеты, вдали от ненависти и злобы, и, крепко взявшись за руки, наконец шагнуть в небытие. Стражники подвели их обоих к высокому столбу с железными крюками и скобами, где уже отдала душу Господу добрая сотня несчастных, осуждённых ранее. Несчастных крепко привязывали цепями и били со всей силы, пока те не теряли сознание, били цепями, ломавшими кости и рвавшими кожу и мясо. А когда бедняга приходил в себя, всё повторялось вновь, пока его тело не превращалось в сплошное кровавое месиво — корм для воронья, уже поджидавшего свой обед на городских стенах и воротах. Именно такая ужасная участь ждала и этих двух несчастных. Их тела будут обезображены и ничто больше не сможет напомнить родным об их существовании, не останется ничего, даже могилы, лишь память безутешной матери будет вновь и вновь рисовать образы её бедных детей, отнятых у неё самой судьбой.

— Дети мои, покайтесь и войдите в царство Божье! — громко прогнусавил пожилой священник, поочерёдно подходя к обоим осуждённым.

— Алан, сын мой! — обратился он к юноше, которого уже приковали к столбу.

Оставили свободной лишь одну руку, чтобы он смог перед смертью ещё раз осенить себя крестным знаменем, или же коснуться запястья сестры, в последний раз почувствовать её тепло.

— Да, святой отец. — звонким, полным жизни голосом ответил тот.

— Помолись Господу нашему и он простит тебе все твои прегрешения. — с грустью произнёс священник, он был явно расстроен жестоким приговором, который был вынесен этим юным созданиям, запутавшимся в собственных чувствах.

Затем священник подошёл к девушке и что-то произнёс совсем тихим голосом. Она лишь кивнула ему в ответ. Стражники уже сковали её тело тяжёлыми цепями, оставив свободной также только одну руку, чтобы она смогла перекреститься, а позже коснуться любимого ещё один, последний раз, прежде чем предстанет перед Всевышним.

Адэлла затаила дыхание. Палач и его помощник уже начали размахивать тяжёлыми цепями, которые с лязганьем и грохотом вновь падали на пол. И от этих жутких звуков в сердца собравшихся вселялся ужас. И им становилось вдруг жаль тех, кто в этот момент были прикован к смертельному, позорному столбу. Многие закрывали глаза, чтобы не видеть страданий юных влюблённых. Адэлла последовала их примеру. Её веки крепко сомкнулись, и на мгновение ей даже показалось, что она никогда больше не сможет их открыть. В этот самый момент вновь раздался лязг цепей и звук глухого удара, за которым последовал тихий стон, еле слышный и единственный. Он вырвался из уст девушки только лишь потому, что она не ожидала удара и не успела подготовиться к этому последнему испытанию. Но больше она не издала ни единого звука. Нет, эти зеваки, собравшиеся на рыночной площади, больше не услышат ни единого, даже самого тихого вздоха. Пальцы девушки крепко сжали руку брата. По его губам скользнула еле уловимая усмешка, он смеялся над всеми теми, кто считал, что смерть станет им с сестрой наказанием. Нет, она станет им самым лучшим подарком, увлечёт за собой туда, где их больше никто и ничто не сможет разлучить.

— Я люблю... — вновь и вновь шептали они, вопреки безжалостным ударам палача, рассекавшим кожу и выдиравшим куски мяса.

Ничто не могло заставить их молчать. Любовь давала им силы, и до последнего вздоха они мечтали о тех мгновениях, когда их души вновь соединятся, пусть даже в другом мире, но они вновь будут вместе. А это было для них теперь самым важным.

— Прощай... — на самом пороге в вечность сорвалось с губ юной девушки, когда-то очень красивой.

Теперь её тело превратилось в сплошное кровавое месиво, но это уже не имело никакого значения. Её душа была уже далеко.

— Прощай, Сандра... — прошептал ей в ответ Алан, затем с губ сорвался громкий вздох, и его голова упала на грудь.

Его душа следом за сестрой покинула тело, истерзанное палачом, и полетела в другой мир вслед за возлюбленной. В мир, где они наконец-то смогут всегда быть вместе. Разве они не заслужили этого?

Этот вопрос невольно задавали себе многие из присутствовавших и не могли дать на него ответа. Не знала ответа и Адэлла. Она лишь могла мечтать о том, что души этих двух юных созданий вновь воссоединятся где-то в заоблачной дали. И она в глубине души по — доброму им даже завидовала. Алан и Сандра будут теперь всегда вместе. Они любили друг друга настолько сильно, что глупым и жестоким людям было этого не понять, они видели в них лишь грешников. А Сандра и Алан просто искренне любили. Любили по-настоящему. Как бы хотела Адэлла, чтобы Рафаэль любил её так же, до самого последнего вздоха. Пусть бы они умерли, но всё равно остались бы вместе. Именно об этом она мечтала долгими бессонными ночами, когда перед глазами вновь и вновь предстал образ любимого, его волевое, прекрасное лицо и серо-зелёные, как у отца, глаза. Но видит Бог, она не желала им такой ужасной смерти. Поэтому и решилась пойти на предательство отца. Она всего лишь хотела защитить любимого от этой жестокой участи. Сейчас же, увидев весь этот ужас воочию, девушка поняла, что её предательство было вполне оправдано. Но образ этих двух юных влюблённых навсегда останется в её памяти. Она будет помнить об их огромной жертве во имя любви друг к другу.

«Я люблю тебя, Рафаэль, — вновь и вновь звучало у неё в голове. — И так будет всегда. Я клянусь тебе в этом перед Богом и перед телами тех, кто не побоялся людской молвы и осмелился любить друг друга, вопреки всему». На глаза девушки наворачивались горькие слезы, а сердце в груди разрывалось от боли. Она больше была не в силах видеть эти до неузнаваемости обезображенные тела двух несчастных. Оставаться на площади, где, даже в воздухе витал запах смерти, её смрад, было невыносимо. Адэлла со всей силы вонзила шпоры в бока лошади и поскакала прочь. Отец и его люди тут же последовали её примеру.

— Адэлла, доченька... — в вечерней тишине обратился к девушке граф Вустер, — выслушай же меня. Вот уже несколько дней я пытаюсь с тобой заговорить, но ты все время находишь какие-то отговорки. Мне кажется, уже настала пора нам поговорить начистоту. Тебя что-то тревожит? Расскажи мне.

Адэлла молча покачала головой. Нет, она не скажет ему сейчас правду, просто не посмеет. Отец не должен сейчас узнать об её предательстве, да и никто другой не должен. Эта тайна уйдёт с ней в могилу, и ни одна живая душа никогда не сможет поведать графу об этом. Те, кто мог бы все рассказать, остались в туманной Англии. Все, кроме Гульвена. Он же, надеялась Адэлла, не был посвящён во все подробности произошедшего, поэтому тоже не смог бы ничего рассказать. Да и не стал бы этого делать, даже если бы ему были известны все детали его освобождения.

— Отец, — девушка попыталась улыбнуться, — меня ничто не мучает, вам показалось. Я просто очень устала. Этот долгий путь в Венецию сильно измотал меня, да и нас всех, пожалуй. Но ничего страшного, как только мы наконец пребудем туда, я вновь стану вашей прежней Адэлой. Я вам обещаю, отец.

Она прекрасно понимала, что скорей всего не сможет этого выполнить, но что ещё она могла сейчас ответить?

— Путь ещё предстоит долгий, но я обещаю, что как только мы прибудем в Венецию, ты не пожалеешь, что мы его проделали. — задумчиво произнёс сэр Альфонс, глядя в окно.

Замок Гульвена Карбон — Доржерака «Волчье Логово» (Le Repaire des Loups) величественно возвышался над живописными землями Компьени, региона, известного своими густыми лесами и крутыми, перекатывающимися холмами. Суровые каменные стены замка, сложенные из массивных известняковых блоков, были немymi свидетелями французской истории. Четыре мощные сторожевые башни, увенчанные зубчатыми стенами, словно стражи, хранили покой и величие рода Карбон — Доржерак де Керве в течении двух сотен лет.

Местность вокруг замка представляла собой захватывающую дух, производящую впечатление картину средневековой Франции. Густые дубовые леса словно обнимали холмы, а утренние туманы стелились над обширными полями, создавая таинственную дымку. Серебристые потоки реки Оазы, словно змеи, извивались вдаль, отражая в себе яркие лучи осеннего солнца. Природа вокруг была щедрой и разнообразной. Дикie яблоневые и грушевые сады чередовались с полями пшеницы, а в лесах водились олени, кабаны и, конечно же, волки — символические животные семьи Карбон — Доржераков. Они то изредка появлялись и на опушках леса, то их силуэты таинственно, будто призраки, мелькали между стволов деревьев перед самым замком. Птицы — ястребы и орлы — кружили в небе, над каменными башнями, словно охраняя покой этого благородного рода. «Волчье Логово» был не просто резиденцией семейства Доржерак, но и живым свидетелем эпохи рыцарства, любви, войн и династических интриг средневековой Франции.

В 1386 году королевство Франции переживало непростые времена. Столетняя война с Англией была в самом разгаре, и каждый замок был не только родовым гнездом, но и потенциальной сторожевой крепостью. Герб семьи Доржераков — меч на фоне пылающего пламени и волк — символизировал их непреклонный дух и готовность защищать свои земли даже ценой своей собственной жизни. Внутри самого замка царила атмосфера рыцарского благородства. Массивные дубовые балки перекрытий, резные каминь, гобелены с геральдическими изображениями — каждая деталь говорила о богатстве и влиянии рода де Керве. Рыцарские доспехи, развешанные в главном зале, напоминали о воинской славе предков Гульвена.

Альфонс со своими людьми и дочерью вот уже несколько дней располагались в замке сводного брата и это ему было совсем не по нраву. Он до сих пор не смог заставить себя смириться с его появлением и, тем более, принять этот факт. Его гордость мешала сделать это.

— Отец, — обратилась к нему Адэлла после недолгого молчания, — ты же сможешь когда-нибудь сказать графу, что ты рад сложившимся обстоятельствам? Или задетое самолюбие и ненависть в тебе слишком сильны? Настолько, что заглушают твоё доброе и отзывчивое сердце?

В её голосе слышалось осуждение.

— Моя ненависть к этому человеку никогда не была слишком сильной. — постарался как можно более безразлично произнести граф. — Даже, когда я узнал о том, что ненавистный убийца моего друга и есть тот злополучный бастард, рождённый во Франции. Бог его рассудит. Но я никогда не произнесу ни слова, чтобы выразить ему свою благодарность или признательность. Этому не бывать никогда! Слишком многое в моей жизни произошло из — за него! Слишком многое....

Адэлла внимательно посмотрела ему в лицо и поняла, что он твердо намерен выполнить обещание и он это сделает. Родство с человеком, который виновен в смерти друга и служит французскому королю, никогда не будет признано. Это было выше сил потомственного графа Дизби.

— Я вижу, что вы, отец, не измените своего решения ни при каких обстоятельствах. — тихо произнесла она печальным голосом. — Не подозревала, что вы так жестоки и злопамятны. Побойтесь Бога.

С этими словами девушка покинула небольшой зал, где наедине со своими мыслями остался сэр Альфонс. С некоторых пор она начала чувствовать к отцу некоторую холодность, но никак не могла объяснить это самой себе. Быть может, он просто перестал быть в её глазах безоговорочным примером для подражания? Или же, она больше не могла ему доверять, как раньше? Кто знает, сколько ещё тайн хранит в себе этот человек? Девушка не могла ответить себе на эти вопросы.

— Адэлла! — окликнул её граф. — Стой! Я не позволял тебе уходить! Остайся! Я приказываю тебе, дочь моя!

Но девушка будто его не слышала, ноги быстро несли её по каменному полу, в ту часть замка, где она ещё не успела побывать, туда, где жили солдаты Гульвена и тренировались перед очередными битвами.

— Миледи! — окликнул её пожилой слуга, когда она вбежала в одну из слабо освящённых комнат. — Вам сюда нельзя! Хозяин никому не позволяет входить сюда! Никому!

Адэлла повернулась и увидела перед собой старика со строгим бледным лицом. Он укоризненно смотрел на неё.

— Хозяин никому не позволяет входить сюда. — повторил он уже менее громким голосом.

— Не беспокойся, Джон, я рад видеть леди Вустер. — послышался откуда-то издалека голос Огненного волка, а уже через несколько секунд он появился перед ними из небольшой ниши в стене.

На губах блуждала загадочная улыбка, и она была обращена к Адэлле.

— Все в порядке, Джон. — повторил граф. — Леди Вустер мой запрет не касается. Она особенная...

При этих словах в его светлых глазах заплясали загадочные огоньки, причину появления которых девушка не могла знать. Почему этот человек так к ней добр? Почему так доверяет? Чем она это заслужила? Своей помощью вызволить его из темницы? Или его сердце всё же чувствует их кровную связь? Она жаждала найти ответы на все эти вопросы. Но пришла сюда говорить с Огненным волком совсем об ином.

— Граф, — тихим, неуверенным голосом обратилась она к мужчине, — мне надо с вами очень серьёзно поговорить.

Тот понимающе кивнул ей в ответ. Дождавшись, когда выйдет Джон и они останутся одни, девушка продолжила:

— Я пришла поблагодарить и просить вас о прощении! Вы должны попытаться простить моего отца! Он не знает, что делает. Его гордыня не даёт разуму услышать голос сердца.

— Отца? — не понимал, о чём она говорит Гульвен. — Я должен простить покойного графа Фиджеральда? Я не стану этого делать! Бог его простит!

Голос мужчины, в ту же секунду, стал холоден и непреступен, словно зимние скалы Кале.

— Нет! — поспешила возразить девушка, поняв что он так и не догадался об их с отцом тайне, не смотря на их частую неосторожность при нём. — Я говорю не о сэре Льюисе! Нет, я имела в виду сэра Альфонса!

Теперь настала очередь графа в недоумении вскинуть брови.

— Сэра Альфонса? Вашего мужа? — совсем запутался мужчина.

Когда Адэлла и граф в его присутствии, забыв о тайне, во власти эмоций, называли друг друга «отец» и «дочь», Огненный волк видимо совсем не придавал этому значения, тоже поглощённый своими чувствами и переживаниями. И теперь, смысл сказанных Адэлой слов не сразу дошёл до его сознания.

— Моего отца! — возразила девушка и, увидев его недоуменное выражение лица, продолжила. — Я должна вам это рассказать! Граф Вустер на самом деле мне вовсе не супруг! Он мой настоящий отец! Но никто об этом не знает! Только он и я! Вот теперь ещё и вы посвящены в эту тайну!

Гульвен с растерянным видом стоял и молча смотрел на юную леди Вустер. Адэлла взглянула на него и засмеялась. Удивлённое лицо мужчины выглядело весьма комично. Но смех девушки был скорее с ноткой горечи, чем весёлым.

— Я больше не в силах была молчать! Вы поделились со мной тайной смерти человека, которого я так долго считала своим отцом. Ничего не утаили. И я тоже не смогла утаить от вас нашей с графом Вустером тайны. — наконец успокоившись, смогла она произнести.

— Адэлла, — хрипло прошептал мужчина, — так вы моя племянница? Вы дочь Альфонса? О Боже, как же это...

Скупые мужские слезы заблестели в его серых глазах. Сердце девушки сжалось одновременно от нежности и жалости, она кинулась к нему и крепко обняла за шею, настолько крепко, насколько только позволили ей девичьи силы.

— Дядя, да, я ваша племянница, — шептали ее губы ему на ухо. — Я ваша племянница, и я вас признаю. Теперь вы не одиноки! У вас есть я! Я никогда от вас не отвернусь! Вы мой дядя! И я этому искренне рада! Я горда этим. Мы родня.

Огненный волк молчал, не в силах произнести ни единого слова. Его сердце переполняло счастье. Наконец-то, в этом мире, хотя бы одна живая душа признала его! Ему и не нужно было большего! Лишь бы только была возможность осознавать, что ты не одинок, что где-то есть родные и близкие, которые о тебе помнят.

— Простите моего отца, — вновь обратилась к нему Адэлла. — Он сам не осознает, что делает. Но его невозможно переубедить. Он уверен, что это его долг. Он никогда не признает в вас своего брата. Но я признаю в вас своего дядю. И я постараюсь любить вас за нас обоих. Я постараюсь дать вам всю ту любовь и нежность, которой вы были лишены все эти долгие годы. Для меня нет разницы, англичанин вы или француз. Я в любом случае буду знать, что вы мой любимый дядя. — она в порыве нежности расцеловала графа в обе щеки.

— Так вот значит почему ты от меня убежала?! — раздался у неё за спиной разгневанный голос сэра Альфонса. — Ты кинулась просить прощения за меня у этого ублюдка, которого мой покойный отец имел неосторожность произвести на свет? Удивительно! Я никак не мог ожидать от тебя подобного!

Адэлла испуганно смотрела на отца и не узнавала. Лицо его было искажено гневом и презрением, глаза горели ледяным огнём.

— Отец! — беззвучно произнесла она и отступила на один шаг назад. — Не смейте так говорить! Граф же помог нам! Он столько сделал для нас в этой стране! Неужели он не заслужил хоть каплю вашего уважения?!

Её голос дрожал, а в янтарных глазах заблестели слёзы.

— Мне стыдно за вас! За ваше поведение! — прошептали, еле слышно, её губы.

Но сэр Альфонс пропустил её слова мимо ушей. Всё его внимание было сейчас приковано к брату. Полным гнева голосом он обратился к Гульвену:

— Какого черта тебе нужно от нас? Неужели, ты не можешь понять, что мы не нуждаемся в тебе? Мы прекрасно жили, ничего не зная о твоём существовании, и дальше хотим продолжать так же жить, не зная о тебе. Оставь нас в покое!

Каждое слово этого человека, словно хлыстом по оттаявшему от слов племянницы сердцу, больно било графа де Керве, и его благородное, красивое лицо заливала бледность.

— Мне ничего от вас не нужно, святейший граф! Даже на пороге смерти, я не стал бы вас ни о чём просить! Видно, такова моя судьба — быть изгоем среди родных людей. — печально усмехнувшись, произнёс Огненный волк.

Его лицо было абсолютно спокойным, ни один мускул на нем не дрогнул, будто ему не было ни малейшего дела до того, что было только что сказано. Сердце Адэллы же, от этих жестоких слов, больно сжалось в груди. Она сейчас, как никогда хорошо, понимала мужчину. Она знала, что иногда слова могут ранить намного больше, чем поступки. И подобные вещи происходят в жизни довольно часто. Звезды бывают очень жестоки к людям.

— Отец! Не смейте так говорить! — закричала она. — Разве в ваших жилах течёт не одна кровь? Разве вы не братья? Как вы смеете так говорить о близком человеке?

Ее голос то становился тише, то вновь переходил в крик. В её янтарных глазах сверкала злоба.

— Не брат он мне! И никогда им не станет! — тут же опроверг её слова сэр Альфонс.

— Вы сейчас уподобляетесь человеку, которого когда то осуждали. Вы становитесь, как две капли воды, похожим на сэра Льюиса, человека, о котором говорили, как о том, кто был непомерно жесток и то и дело совершал ошибки! — не унималась Адэлла. — Разве к этому вы стремились? Разве хотите пойти по его стопам? Вы говорили мне, что Льюис был жесток и высокомерен, что у него в груди не было сердца. Так зачем же вы сейчас ведёте себя, как он? Где человек, которым я восхищалась? Где он? Я так боюсь, что этот человек умер той ночью, когда мы взошли на корабль, и я больше никогда его не увижу. Отец, умоляю вас меня услышать!

Сэр Альфонс молчал. Он не знал, что ответить, осознавая, что его дочь права. Но он не желал признаваться в этом, особенно перед этим самозванцем, жаждущим стать великим Дизби, этим мерзким французом, чёрт бы его побрал.

— Не стоит больше пытаться его переубедить! — по — прежнему холодно обратился к Адэлле Гульвен. — Твой отец все равно ничего не поймёт и останется при своём мнении. Ты лишь зря потратишь своё время. Иди отдыхай, а мы с графом попытаемся сами разобраться. Как я понял, твой отец жаждет завтра утром продолжить путь. Тебе стоит набраться сил.

Девушка согласилась с ним. Она молча поклонилась обоим и вышла из комнаты. Как же не хотелось ей больше слышать эти постоянные оскорбления, которым не было видна конца и края. Она просто устала от долгого путешествия и этих распрей, сильно измотавших её тело и душу. Хотелось лишь лечь в кровать и забыться глубоким, благотворным сном, несущим в себе успокоение и новые силы.

На следующее утро, стоило лишь солнцу подняться над горизонтом, граф Вустер с дочерью и своими людьми выдвинулись по направлению к Дижону, откуда было уже рукой подать до границы со Священной Римской империей. Сопровождать их вызвался граф Карбон — Доржерак. Гульвен объяснил этот поступок тем, что по землям Французского королевства, находящимся под властью французов, англичанам путешествовать было отнюдь не безопасно, тем более с таким малым числом воинов. Присутствие же его самого и отряда французских солдат, находящихся в его подчинении, сможет обеспечить путникам полную безопасность. Сэр Альфонс, к великому удивлению Адэллы, каким-то образом на это согласился. Видимо, они смогли вчера об этом договориться. Слуги принесли в покои своего господина ни один графин вина за ночь. И вот результат. О чём именно была достигнута договорённость, она не могла знать, но было понятно, что мужчины наконец смогли хотя бы услышать друг друга. Не было больше оскорблений и ненависти к брату, со стороны отца. Не было боли в глазах и показного равнодушия со стороны Огненного волка. Адэлла мысленно возблагодарила Всевышнего за то, что он услышал её молитвы. Эти двое конечно не ведут себя как близкие люди, но и откровенной вражды со стороны Альфонса уже не было. Он хорошо запомнил вчерашние слова Гульвена, сказанные после всего выпитого вина, кстати французского:

— В чём разница между моим рождением и рождением твоей дочери? И я, и она рождены в одном и том же грехе. И кто дал тебе право порочить имя женщины, чьей вины ни чуть не больше, чем вины графини Фиджеральд, согрешившей однажды с вами, господин граф? И ей

и моей матери лишь Бог судья. Ты же, столь же грешен, сколь и наш отец. Вы оба поддались порыву страсти, совершенно не думая о последствиях. Жена Льюиса и юная Магдалина были вынуждены принять наказание за этот самый грех. Ваш с отцом грех. Вы не смогли сдержать свою похоть. И вот результат — и я и Адэлла всё детство своим отцом считали совершенно другого человека.

Граф Вустер молчал и долго не знал, что ответить на эти, весьма справедливые слова. Видимо гордыня и гнев, вызванные очередным вмешательством этого человека в их жизнь, не дали ему вовремя это понять. Наконец, он залпом осушил свой, неизвестно какой по счёту, кубок и произнёс:

— Да, конечно, ты прав. Я понимаю это, но просить прощения всё равно не стану. Не проси меня об этом. Понять меня тоже не прошу. За грехи свои я когда небудь отвечу. Отец тоже думаю понёс своё наказание.

Огненный волк молча кивнул в знак согласия. После, они сменили тему и принялись обсуждать дальнейший путь графа и графини Вустер. Огненному волку же было позволено их сопровождать.

Путь до Дижона занял несколько дней. Проезжая по окрестностям нормандской провинции, граф Вустер и, сопровождавший его, Гульвен приняли решение остановиться ненадолго в Труа. Этот город был славен своими ярмарками не только в королевстве, но и за его пределами. Солдаты и лошади уже изнемогали от усталости и сил продолжать путь попросту больше не осталось.

— Сегодня мы остановимся на постоялом дворе, отдохнём, а завтра на рассвете продолжим свой путь. — хриплым, усталым голосом произнёс сэр Альфонс.

— Хорошо, но надо быть осторожными. Будет лучше, если никто не будет знать, что вы англичане. — слегка встревоженным голосом произнёс Огненный волк. — Так всем будет спокойнее.

Сэр Альфонс не стал возражать, он тоже посчитал, что не следует лишний раз подвергать себя опасности во враждебных землях.

Труа этим утром был весьма многолюден. В эти дни, в город съехалось множество купцов и торговцев из Англии и других королевств. Среди этого наплыва приезжих можно было легко затеряться, не привлекая к себе особого внимания. В тавернах и на постоялых дворах было столько желающих отдохнуть и подкрепиться, что приехавшим пришлось ещё поискать место для ночлега. Большие и более или менее приличные постоялые дворы были уже все заняты и один из хозяев посоветовал им обратиться к некому Лозье. Он наверняка найдёт для них место на своём постоялом дворе с одноимённым названием «У Лозье».

— Этот проходимец, наверняка, найдёт для вас местечко. — тяжело вздохнув, произнёс он. — А я, к сожалению, не смогу ничем помочь, хотя с радостью бы приютил таких добропорядочных господ, как вы.

— Как нам его найти? — поторопился спросить Гульвен, чтобы этого не сделал граф Вустер, говоривший по — французски с явным, английским акцентом.

Чем меньше людей узнает о том, что они уроженцы туманного альбиона, тем будет спокойней для всех.

— Отец, молчите. Пусть говорит граф. Пусть все эти люди думают, что мы тоже французы. — очень тихо прошептала Адэлла.

— Вам, господа, надо проехать до собора Петра и Павла и слева от него, в начале улицы, вы увидите большой каменный дом с яркой вывеской. Проходимца Лозье сложно не найти. — поспешил объяснить мужчина. — И передайте ему, что теперь он мне, Жирану, должен. Пусть помнит о моей щедрости и доброте. А то совсем зазнался.

— Обязательно передадим. Спасибо вам огромное. — поблагодарил его Гульвен, и все они поспешили удалиться.

Лозье оказалось действительно очень легко найти. Его трактир был расположен прямо напротив собора, выстроенного в готическом стиле, величественно возвышавшегося над всеми другими строениями и приковывавшего к себе покаянные взоры жителей. Его весьма тесное соседство с таверной «У Лозье» несколько удивляло. Он, словно немой укор, настоятельно напоминал грешникам, предававшимся чревоугодию и прочим безобразиям в таверне, что вся их жизнь — это один сплошной грех и что не стоит забывать о покаянии.

— О, как же я рад, что ко мне изволили заглянуть столь благородные господа! — воскликнул хозяин таверны, пожилой и полный мужчина, с тёмными, тронутыми сединой, волосами, когда Гульвен подал ему в руки весьма увесистый кошелёк.

Лозье с интересом рассматривал всех. Особый интерес у него вызвали молодая женщина, в мужском, дорожном костюме и мужчина вдвое старше её. Его лицо показалось хозяину таверны знакомым. Этот господин, в скромном, но далеко не бедном одеянии, напомнил ему одного юного англичанина из далёкого прошлого. И пусть прошло немало лет, и время могло внести свои коррективы во внешность, но он готов был дать руку на отсечение, что видел этого человека когда-то в Лондоне, в своём борделе с одноимённым названием. Он хорошо помнил того юного господина, богатого и весьма учтивого, и его друга, молодого сэра Льюиса, обладавшего весьма крутым нравом. Сколько драк было им затеяно тогда, сколько эля выпито, сколько золотых монет потрачено на продажных девиц. Одному Богу было известно.

— А этого господина я знаю, Всевышним готов поклясться! — приветливо улыбаясь, произнёс Лозье, указывая на сэра Альфонса. — Лондон, таверна «У Лозье», лет девятнадцать назад... господин... вот уж не предполагал вас здесь встретить!

— Ты ли это, старина Лозье? — удивлённо воскликнул граф Вустер на французском. — Чужало моё сердце, что это именно ты! Давно ли ты вернулся на родину?

Лозье уже спешил к ним с семьёю кружками эля, усаживая их за самый спокойный и уединённый стол, поодаль от остальных.

— Господин, как же я рад вас вновь увидеть! Давно ли я вернулся? Да лет десять назад уже, наверное. Годы идут и меня, старого прохвоста, потянуло в родные земли. Дела в борделе пошли плохо почти сразу, как вы с другом перестали к нам заглядывать. И эта мерзавка уехала в Италию... — он замолчал, поймав на себе взгляд сэра Альфонса и догадавшись, что не стоит упоминать сейчас девицу, к которой так неровно дышал сэр Льюис.

Не здесь и не сейчас.

— Какой прекрасный эль! — отхлебнув побольше, довольным голосом произнёс Альфонс. — Как много лет назад.

— Я привёз секрет его приготовления из Лондона, многие здесь хвалят его. Некоторые только из-за него и приходят ко мне.

— Да, действительно, славный эль, — жадно сделав несколько глотков, произнесла Адэлла. — Как у нас в Фиджеральд — Парке.

Лозье вновь, ещё с большим интересом, взглянул на девушку в мужской одежде. «Она из Фиджеральд — Парка, значит кем-то приходится Льюису, либо дочерью, либо сестрой, для жены слишком молода. Хотя, зная нрав графа, можно ничему не удивляться. Воспылал же он чувствами к этой малолетней потаскушке, едва видевшей восемнадцатую зиму, Хитер, хотя у той не было ни кожи, ни рожи, а одни кости, да змеинные глаза. Как хорошо, что я не стал вслух про неё ничего рассказывать. Как же неудобно получилось бы», — промелькнуло у мужчины в голове.

— Покойный отец очень любил его. — продолжила девушка, тем самым подтвердив догадки Лозье.

Перед ним была дочь сэра Льюиса, ныне уже покойного. Царство ему небесное. Видимо всё же нашёл свой покой этот граф с весьма взрывным нравом.

Гульвен и его солдаты, переодетые в одежды мирных путников, настороженно следили за всем, что происходило вокруг. Хозяин таверны радушно предоставил графу и графине Вустер лучшую комнату наверху, с окнами, выходящими на собор. Кровать была застелена чистым и ароматным бельём. Слуги нагрели огромное корыто воды и добавили туда розового масла. Опьяняющий аромат окутал всю комнату. Адэлла не смогла удержаться от соблазна немедленно раздеться и погрузиться в эту воду. Так долго, её тело терпело все тяготы путешествия, и как же теперь было приятно, вновь ощутить то блаженство, когда горячая ароматная вода позволяет расслабиться и телу, и разуму, и душе. Закрыв глаза, девушка лежала в воде, почти по грудь скрывающей её обнажённое тело. В комнате не было никого и царила полнейшая тишина, лишь снизу иногда доносились громкие голоса и смех постояльцев. Вечером у Лозье было, как всегда, многолюдно и весело. Но это не помешало девушке погрузиться в сон. Выпитый эль, вкусный ужин и тёплая ванна сделали своё дело. Тихий плеск воды уносил её сознание куда-то далеко — далеко, в детство, в тот день, когда они с Рафаэлем сбежали по подземному ходу из замка. Ей снились страшные тёмные коридоры и цепи на стенах. Снился Рафаэль, но он был не маленьким мальчиком, а прекрасным, юным мужчиной. Во сне девушка сильно испугалась, и он, подняв её на руки, понёс к выходу на свет. Свет приближался и становился всё ярче.

— Адэлла! Милая! — привёл её в чувства испуганный голос отца. — Очнись, доченька!

Девушка с трудом подняла отяжелевшие веки, все перед глазами расплывалось. Лишь через несколько секунд, она смогла чётко разглядеть лицо Альфонса, оно было ни на шутку перепугано. Мужчина держал её мокрое, обнажённое, завернутое в простынь, тело на своих руках. Было очень холодно.

— Что случилось? — не понимая, что так напугало отца, прошептала она. — Почему вы так испуганы?

— Ты потеряла сознание и чуть не захлебнулась в воде, — дрожащим голосом произнёс граф. — я вошёл в комнату и увидел тебя в воде, без сознания, бледную как снег, с синюющими губами. Ещё бы чуть-чуть и ты бы захлебнулась водой в этом корыте.

Он аккуратно положил её на кровать и, накрыв одеялом, сел рядом.

— Доченька, ты так меня напугала, — в голосе было столько страха и Адэлла поняла, что вся злость на отца разом улетучились. Она слегка улыбнулась и сжала его руку своими ещё слабыми пальцами.

— Простите, отец, я не заметила, как уснула. Мне снился сон. Рафаэль на руках выносил меня из тёмного подземелья... мне было очень холодно и страшно...

— Не бойся. Все уже позади. Все прошло, — голос отца звучал успокаивающе, его пальцы нежно поглаживали её по золотисто — русым волосам.

Губы мужчины коснулись её затылка. Стало вдруг очень уютно и спокойно. Отец рядом, он её любит и не даст никому в обиду. Она верила в это всем сердцем и не хотела даже думать и вспоминать о том видении, что посетило её в полу бессознательном состоянии этим вечером. «Это просто сон», — промелькнуло в голове девушки, и ей очень хотелось в это верить. Но где-то в глубине души она чувствовала, что это было некое предзнаменование того, что ещё должно произойти в будущем, быть может даже очень отдалённом, но все же должно произойти. Ведь сны Адэллы иногда сбывались.

Утреннее, ноябрьское солнце ярко освещало шпили готического кафедрального собора Петра и Павла. Колокольный звон оповещал жителей Труа о начале службы, многие из них, каждую субботу, приходили послушать проповедь преподобного отца Франциска, молодого, но подающего огромные надежды священника. Народ с благоговением слушал его праведные речи. Кто-то из них даже поговаривал, что преподобный иногда видит будущее. Он может вдруг сказать человеку что-то, на первый взгляд, непонятное, но потом, по прошествии времени, человек понимал, что это было то самое предсказание и что оно сбылось. В это утро, в соборе

яблоку негде было упасть. Адэлла попросила у отца разрешения посетить утреннюю службу. С момента, как она проснулась, её не покидало желание помолиться Господу, перед долгой и опасной дорогой. Сэр Альфонс не смог отказать дочери в этой просьбе.

В соборе царил полумрак и сильно пахло ладаном и восковыми свечами. С хоров доносилось монотонное пение монахов. Преподобный Франциск дочитал проповедь о грехе прелюбодеяния и призвал всех присутствовавших непременно покаяться, ибо пороки оскверняют чистые души рабов Божьих. Все прихожане, по очереди, начали подходить к святому отцу. Каждому из них хотелось коснуться губами распятия и перстня на руке преподобного. Когда подошла очередь Адэллы, она смиренно преклонила колени и опустив взор тихо прошептала:

— Благословите, святой отец, и простите все мои прегрешения вольные и невольные. — сердце в груди бешено заколотилось от волнения.

— Дочь моя, — очень тихо произнёс преподобный Франциск. — Господь непременно простит тебя, у тебя, дитя моё, ещё не раз будет возможность свершить грех и раскаяться. Будь осторожна, дочь моя, этот путь будет долгим и тяжёлым. Но Господь даст тебе силы, чтобы преодолеть его. Ты всё вынесешь. Твоя душа, словно феникс, вновь и вновь будет возрождаться из пепла. Сильные мира сего не смогут сломать твою железную волю. Бог непременно простит тебя...

Он внезапно замолчал и положил свою руку на голову, оторопевшей от услышанного, Адэллы. Она стояла и не могла произнести ни слова. Сердце в груди бешено колотилось. В висках будто стучали сотни молоточков. Смотря на окружающих невидящим взглядом, девушка вышла из собора, лицо её было бледным, губы дрожали. Альфонс кинулся за дочерью, так и не получив благословения преподобного Франциска. Тот лишь вдогонку прошептал:

— Будь осторожен, твоя любовь к дочери, для тебя важнее жизни...

Но граф Вустер не услышал этих слов. Гульвен, со своими солдатами, уже верхом ожидали их неподалёку от собора. Для отъезда всё было готово. Адэлла, по-прежнему бледная, словно первый снег, торопливо вскочила на свою лошадь. Гордо выпрямив спину, она не хуже любого воина держалась в своём седле и издалека никто бы и не сказал, что этот всадник — девушка. Мужской дорожный костюм и умелое управление лошадью производили впечатление, что по правую руку от графа Альфонса Вустера, верхом на вороном коне, находился молодой и отважный воин. Он был вооружён кинжалом, пристёгнутым к ремню из свиной кожи. Золотисто — русые девичьи локоны были тщательно заколоты и спрятаны под капюшоном чёрного бархатного плаща.

— Ну что? В добрый путь? — вздохнув полной грудью, громко произнёс сэр Альфонс.

— Да. Уже пора. Нам надо как можно раньше покинуть Труа. — Огненный волк как будто почувал что — то неладное. — Раннее утро — прекрасное время для этого. Пока горожане заняты своими утренними делами.

Все были согласны с этими словами и тут же тронулись в путь. Люди Гульвена были одеты не по-военному, но по их осанке, по манере управлять лошадьми, по тому, как они ехали в строю, было видно, что это солдаты и они явно охраняют двоих всадников, ехавших по середине. Стараясь особо не привлекать внимания, они направились к городским воротам. Как только весь их небольшой, вооружённый отряд оказался за пределами Труа, лошади прибавили шаг и перешли на лёгкий галоп. Адэлла и сэр Альфонс по-прежнему скакали посередине, словно солдаты ожидали каких-то неприятностей и стремились как можно лучше защитить путников.

— Что происходит, граф? — с подозрением спросил сэр Альфонс своего брата. — Чего вы опасаетесь?

— Ничего. Но нужно быть очень бдительными. Иначе всё может закончиться очень печально для всех. — спокойным голосом ответил Огненный волк, когда их отряд въехал в небольшой пролесок.

Голые кусты и деревья позволяли хорошо видеть, что происходит вокруг. Граф Вустер обернулся и увидел вдали быстро приближающуюся погоню, отряд из десяти всадников. С противоположной стороны на более близком расстоянии от них был второй отряд из пятнадцати вооружённых людей. Они тоже приближались. Это была явная засада. Вот чего так опасался граф Карбон — Доржерак.

— Черт бы их побрал, — сквозь зубы процедил он. — Мы чуть-чуть не успели. Теперь придётся биться не на жизнь, а на смерть. Солдаты, в бой!

Он во все горло заорал эти слова.

— Помните, мы должны, во что бы то ни стало, защитить моего брата и племянницу!

Сэр Альфонс выхватил меч из ножен и кинулся вместе с солдатами в сторону врага, абсолютно не обратив внимание на попытки Гульвена уберечь его от сражения.

— Это из-за нас вы вынуждены биться с этими людьми, их больше, чем нас, и я не стану стоять в стороне и просто смотреть, как гибнут ваши люди. Не один Дизби не позволил бы себе этой подлости! — голос его был твёрд и непреклонен. — Фьёретто, останься здесь с Адэллой и Марией, позаботься об их безопасности!

Адэлла хотела было возразить, но отец уже не слышал её. Он во весь опор нёсся на помощь солдатам Огненного волка, с мечом наголо. Всего несколько мгновений, и он уже был в гуще событий. Девушка впервые видела отца не на турнире, а в реальном бою и сердце от страха сжималось в груди, при каждом ударе его меча. В мыслях царил полнейший хаос, он пыталась успокоить себя и как молитву твердила: «...отец — прекрасный воин, он не погибнет в этом бою... он не может погибнуть сейчас...». Не помня себя от страха, она хотела кинуться к нему на помощь, но надёжная рука Фьёретто Моничелли крепко удерживала её от глупостей и необдуманных поступков.

— Миледи, не стоит этого делать, — тихим, но не терпящим возражений голосом произнёс он. — Я отвечаю за вашу жизнь своей головой. Граф знает, что делает. Месье Гульвен — тоже прекрасный воин, уж поверьте, им обоим, и вместе с солдатами графа, не потребуется ваша помощь.

— Я должна! — воскликнула девушка, но стоило глазам встретиться с мрачным взглядом мужчины, её пыл тут же угас.

К ней пришло понимание, что не стоит перечить этому мрачному мужчине. Она прекрасно помнила о его прошлом.

— Ну хорошо, я поняла... — глубоко вздохнув, прошептала она. — Фьёретто, отпусти меня.

Он слегка ослабил хватку, но не отпустил хрупкое запястье, тем самым ограждая девушку от необдуманных решений. Граф чётко обозначил свою волю, и он её исполнит, во что бы то ни стало.

Адэлла не сводила глаз с отца и дяди. Они, плечом к плечу, отчаянно бились с нападавшими, и брат ничуть не уступал по своему умению бывшему знаменному рыцарю короля Ричарда. Солдаты графа Карбон — Доржирака, тоже яростно бились за своего господина и за тех, кого призваны были охранять. И хотя, изначально численность нападавших значительно превосходила силы небольшого отряда Огненного волка, в процессе битвы стало понятно, что одержать победу разбойникам вряд ли удастся. Громкий звон мечей и крики раненых доносились издали, Адэлла нервно вцепилась второй рукой в руку Фьёретто, по — прежнему удерживающую её, и, затаив дыхание, не отрываясь, следила за битвой. Всё происходило как во сне. В затуманенном сознании девушки не осталось места страху, она знала, что Огненный волк и отец непременно одержат победу. Они просто не могут проиграть! И она не ошиблась. Через несколько минут нападавшие, потерявшие больше половины своих людей, решили ретироваться, отчаянно отбиваясь от перешедших в атаку солдат Гульвена. Ещё пара минут, и Фьёретто с Адэллой увидели, как те бросились прочь. Граф Альфонс Вустер и Огненный волк

не стали их преследовать, у них была совсем иная цель. Девушка почувствовала, что её рука вновь свободна. Приказ графа был в точности исполнен Фьёретто.

— Слава богу, вы оба живы! — воскликнула она, когда сэра Альфонс и Огненный волк вновь к ним вернулись.

Их раскрасневшиеся лица и, ещё пылающие огнём боя, глаза могли напугать сейчас кого угодно.

— Спасибо солдатам Гульвена! Если бы не они... — произнёс в возникшей тишине отец.

— Это был их долг. Они выполняют любые мои приказы... смерть их не пугает... впрочем как и меня...

— Как жаль, что вы с нами не поедете в Италию, — ласково улыбнувшись новоиспечённому родственнику, тихо произнесла Адэлла. — В Венеции, тоже может быть опасно.

— В Италии намного спокойней, чем здесь. Англия в данный момент с ней не воюет, — возразил ей граф Вустер.

— Твой отец абсолютно прав, моя дорогая Адэлла. В Венеции вам будет гораздо безопаснее чем здесь или в Англии. Они закончили гегуэзскую войну и заключили Туринский мир. Антонио Веньер, не так давно избранный в качестве главы города, вполне порядочный человек, как я слышал о нём.

— Избранный? — непонимающе переспросила Адэлла. — Кем избранный?

— Да, избранный. Его избрал совет. Венеция провозглашена республикой. Там правит не монарх, являющийся помазанником божьим. — пояснил дочери Альфонс. — Венеция прекрасна и удивительна, и ты совсем скоро сможешь в этом убедиться.

Адэлла с изумлением слушала отца и понимала, что этот город действительно необычен и загадочен. Кроме прекрасных зеркал и роскошных украшений, прославивших её на весь мир, Венеция являлась ещё и весьма необычным местом, полным традиций и правил, так резко контрастировавших с её родиной и многими другими королевствами. Но узнать всю многогранность этой земли, девушке ещё предстояло в ближайшем будущем.

До границы со Священной Римской империей оставалось два дня пути. Адэлла проехала их верхом, рядом со своим дядей, графом Карбон — Доржераком. Они говорили обо всём, о чём только можно было поговорить: о невероятно тёплой осенней погоде, об истории Французского королевства, о жизни рыцарей в этом самом королевстве, о самих рыцарях и о войне, идущей сейчас между двумя непримиримыми королевствами, о судьбах людей, с которыми они знакомы, или о которых слышали когда-то. Гульвен наконец-то рассказал ей о причине, по которой Ричард так его опасался и держал в Битчеме.

Молодой граф де Керве, как и многие другие французские рыцари, был верен долгу перед отчиной и своим сюзереном. Он готов был сложить голову в боях за земли, которые французы считали испокон веков своими, и ни чьими больше. У соседей же, с туманного альбиона, на это был свой собственный взгляд. Военные действия то затихали, то вспыхивали вновь. Люди Гульвена, во главе с ним самим, были не редкими, непрошенными гостями во владениях молодого Ричарда II. В одну из таких вылазок, несколько лет назад, в беспокойное для Англии время, когда королевство было охвачено восстаниями крестьян, Огненный волк был серьёзно ранен и взят в плен людьми короля. В то время, всех французов, без исключения, подозревали в подстрекании черни и непосредственном участии в беспорядках, учинённых в королевстве. И этого, конкретного француза, тоже подозревали. После череды изнурительных допросов, Гульвена поместили в тёмную и сырую камеру в Тауэре, но пробыл он там совсем недолго. Кто — то помог узнику бежать. Ричард пытался выяснить имена этих сообщников, но безрезультатно. Будто бы ему помог сам нечистый. Пришлось смириться с тем, что этот человек теперь на свободе. Какова же была радость английского монарха, когда несколько лет спустя, судьба даровала ему второй шанс — доблестный рыцарь, с изображённым на эмблеме

щита волком на кроваво — красном фоне, вновь был взят в плен при высадке в английском порту. На этот раз Ричард, казалось, предусмотрел всё, поручив охрану столь важного пленного человеку, достойному его высочайшего доверия — Альфонсу Вустеру. Но удача вновь оказалась благосклонна к французу. Или же ему, всё же, благоволят силы преисподней, или же он обладает невероятным везением, ведь из Битчема просто так не выбраться. Но удача — весьма взбалмошная и непостоянная особа и Ричард II с нетерпением, теперь ожидал третьего шанса, чтобы поквитаться с верным вассалом своего соперника Карла VI, именуемого в истории Безумным.

Адэлла слушала мужчину и понимала, что все опасения короля были надуманными. Гульвен — просто один из рыцарей, верный своей родине, каковых много. Она не зря рисковала жизнью, участвуя в его освобождении. И хотя, это повлекло за собой их изгнание из королевства и лишило отца всех милостей и привилегий, она уже почти не сожалела о содеянном. Ведь это помогло Гульвену, её дяде, получить свободу и хотя бы ненадолго обрести близких и родных. Пусть они скоро вновь расстанутся на границе королевства, но теперь он будет знать, что больше не одинок и у него есть родные люди — племянница и старший брат. И Адэлла тоже будет знать, что во Франции, в стране, где живут враги, как её всегда учили, у неё есть родной человек — её дядя, честный и справедливый, готовый всегда прийти на помощь. Она будет молиться Богу о нём. И господь непременно услышит её молитвы.

— Вы простили моего отца? — тихо прошептала девушка, когда пришло время прощаться. — Он причинил вам боль, но вы, несмотря на это, помогли нам спастись от смерти, от рук бандитов. Я всем сердцем благодарна вам за это, мой дорогой дядя. И благодарю Бога за то, что послал нам вас.

— Твой отец был не готов к этой новости. Подлец, виновный в ваших злоключениях, оказался братом. Я могу его понять. — в голосе Огненного волка прозвучала ирония. — А теперь ступайте, юная леди, вам уже пора. Вас ожидает будущее, и я желаю, чтобы оно было хорошим и добрым, таким же, как и вы сами. Прощайте Адэлла и, даст Бог, ещё свидимся.

Он крепко сжал девушку в своих объятиях, но всего лишь на одно мгновение. В следующее, его руки уже вновь отпустили её хрупкие плечи. И мужчина коротко добавил:

— Ступай! Тебя ждут!

Адэлла на прощанье нежно прильнула губами к слегка колючей щеке дяди и, вонзив шпоры в бока лошади, пустила животное галопом по направлению к границе, где её уже дожидались отец и его люди. Впереди их ожидал ещё достаточно долгий путь, полный тревог, опасностей и невзгод, который должен был привести их в Венецию — прекрасный город, славившийся на весь христианский мир своими зеркалами и куртизанками. Город, в котором царили роскошь и веселье. Одним словом — прекраснейшей приюта для изгнанников было не сыскать.

Прошёл не один день, прежде чем эскорт графа Дизби достиг городских ворот Берна, одного из многих мелких городишек Священной Римской империи.

— Отец... — с облегчением вздохнув, произнесла Адэлла, когда её ноги вновь, впервые за долгое время, коснулись земли. — Когда же мы наконец приедем в эту вашу Венецию? Люди все измотаны, да и лошади тоже. Как долго нам ещё ехать? Сколько это будет длиться? О Господи! Я больше не вынесу!

— Ты должна! — строго взглянув на дочь, ответил граф. — Ты же дочь солдата! Прекрати хныкать! Сейчас же! — его голос был холоден, можно даже сказать, равнодушен.

— Но отец! — попыталась возразить девушка, но тот вновь её оборвал на полуслове:

— Никаких «но»! Прекрати!

Адэлла замолчала, понимая в глубине души, что отец конечно же прав, устали все, но сейчас не время для девчачьих капризов. Она должна быть сильной, ведь она действительно дочь солдата. Льюис и Альфонс — оба были отважными и выносливыми воинами и этому стоило у них поучиться.

В Берне, граф и его люди пробыли всего один день, проспав несколько часов в уютных комнатах небольшого постоялого двора, на окраине города. Это было место, куда более скромное и неприметное, чем таверна «У Лозье», но тут было гораздо спокойней. Адэлле и сэру Альфонсу отвели одну комнату, как мужу и жене, куда они взяли с собой и верную Марию, служанку молодой графини. Посреди довольно просторного помещения стояла высокая, дубовая, двух спальная кровать под алым балдахином. В правом дальнем углу, за ширмой, постельцев уже ожидала горячая вода, налитая в небольшое корыто заботливыми руками одной из горничных, работавших на этом постоялом дворе. Адэлла громко вздохнула, когда за спиной закрылась дверь. Наконец-то у них появилось несколько часов для сна и покоя. Как же она мечтала об этом, скача в седле почти двое суток, без отдыха и сна. От усталости девушка почти не ощущала своих рук и ног, а спину ломило настолько сильно, что порой на глаза наворачивались слезы. Но теперь она наконец сможет отдохнуть, вот только примет ванну. Когда счастливая девушка опустилась в воду и та окутала всё тело, из груди вырвался громкий стон наслаждения. Все её мышцы были скованы от усталости, и горячая вода расслабляла их, принося тем самым огромное облегчение. Пар, исходивший от воды, буквально дурманил девушку. «Вот бы так вечно лежать и не двигаться», — подумала она, но, к сожалению, это было невозможно. Когда Адэлла все же заставила себя встать из воды, заботливые руки Марии обернули её тело прохладной простыней. Мокрые волосы тёмными, блестящими прядями рассыпались по обнажённым плечам, приликая к нежной коже. Мягкая подушка, благоухающая полевыми травами, манила скорей прилечь на неё, и стоило девушке лишь слегка коснуться её головой, как все вокруг куда-то исчезло, и она провалилась в глубокий, спокойный сон, лишенный каких либо видений. Когда же Адэлла вновь вернулась к реальности, за окном уже было далеко за полдень. Пришло время вновь садиться в седло и продолжать путь. Ещё пару дней, и они с отцом наконец-то прибудут в Венецию, где их ожидала новая жизнь, ещё совсем неизвестная, но уже такая желанная. В этом городе они готовы были начать всё с начала.

2 Глава «Дворец Дожей»

Крытая гондола, под осенним дождём, медленно скользила по водной ряби канала Святого Марка. Венеция встречала гостей холодным, порывистым ветром, пронизывающим насквозь. Адэлла отчаянно куталась в полы плотного бархатного плаща, стараясь хоть как-то укрыться от ужасной непогоды. Дождь, как из ведра, лил уже не первый час и, казалось, вовсе не собирался заканчиваться. В гондоле, рядом с девушкой, сидел сэра Альфонс. Он тоже спрятал лицо за воротом тёплой накидки. Были видны только глаза мужчины, смотревшие вдаль. Он молча размышлял о чем — то своём.

— Отец, — прервала это молчание девушка. — мы скоро прибудем на место?

Граф, лишь молча кивнул ей в ответ, он по-прежнему был весь погружен в свои мысли и воспоминания. Яркие картины детства и юности всплывали в памяти одна за другой. Отец, в прошлом, часто брал его с собой в Венецию и этот город с самых ранних лет покорила сердце графа. Среди его каналов и дворцов прошло почти всё детство молодого графа Вустера. Первые волнения сердца настигли юношу тоже здесь. Как же это было давно. Казалось, что вечность назад, в другой жизни. Альфонс печально вздохнул.

Через несколько минут гондольер причалил и протяжно произнёс: «*spero che il Signore sia generoso quanto gli occhi di questo signore sono belli*». Что на итальянском означало — «*надеюсь, что сеньор будет столь же щедр, как прекрасны глаза этой сеньоры*». Адэлла уже немного знала язык, отец учил её самым важным словам и фразам. Девушке очень нравилось, как красиво, словно старинная песня, звучат некоторые из них. Но именно эта реплика была ей пока совершенно не понятна. Возможно, это был какой — то местный диалект. Граф протянул гондольеру несколько мелких, золотых монет и поспешно сошёл на причал, а затем помог и дочери. Адэлла огляделась вокруг и была поражена. Перед ними предстал громадный дворец. Даже под проливным дождём, он казался просто прекрасным. Девушка ещё никогда не видела более красивого строения. В родной Англии здания строились совершенно по иному, более массивно и практично. Здесь же, это были шедевры архитектурной мысли, поражающие своей оригинальностью и какой — то лёгкостью, почти воздушностью.

Дворец Дожей был ещё не совсем достроен. Об этом говорили множественные деревянные леса вокруг стен, но основная его часть была закончена и уже позволяла судить о всём его будущем великолепии. Он являлся резиденцией правителя республики, каковой Венеция была уже ни один год. Ей управляли дожи, избираемые на специальных советах. Но не только это делало данный город особенным. Адэлла знала об этом, но предстояло увидеть ещё многое, о существовании чего, она даже и подозревать не могла ранее. Сэр Альфонс спешил попасть на аудиенцию к Антонио Веньеру, нынешнему правителю этого прекрасного города, чтобы сразу обсудить ряд важных вопросов и, по возможности, заручиться его поддержкой. Графа Вустера уже встречал юный слуга, поспешивший проводить его к своему господину. Адэлла вновь осталась наедине с собой, под тёмными сводами этого прекрасного дворца. Вокруг, казалось, не осталось ни души. Девушка и не подозревала, что могло понадобиться дожу этого города от её отца, но твердо верила в то, что обязательно это узнает. Граф сам расскажет ей об этом как —нибудь потом, за поздним ужином или во время утренней прогулки. И она действительно не ошиблась. Сэр Альфонс расскажет ей обо всём, но чуть позже, а сейчас она стояла у огромной колонны, в большом, тёмном зале и не могла знать, что происходило, в данный момент, в приёмной Антонио Веньера, и что, ещё только, должно произойти в ближайшее время.

— Юная дама. — внезапно раздался у неё за спиной чей-то приятный, вкрадчивый голос.

Незнакомец прекрасно говорил на английском. Это и удивляло, и настораживало, одновременно. Девушка испуганно вздрогнула, никак не ожидая, что кроме неё здесь ещё кто — то есть.

— Не бойтесь. — вновь раздался всё тот — же загадочный голос.

Адэлла обернулась туда, откуда он доносился, и увидела молодого, высокого и стройного мужчину, облачённого в кроваво — красную сутану и такого же цвета мантию. Перед ней стоял молодой кардинал святой католической церкви. Все тело девушки застыло от внезапно нахлынувшего чувства страха. Казалось, она сейчас была не в силах произнести ни слова. Этот молодой и очень привлекательный, можно даже было сказать «красивый» священник отчего — то внушил ей огромное беспокойство. Уж слишком неожиданно он появился, как гром среди ясного неба, в этом пустынном зале дворца, будто шпионил за ними.

— Вы наверняка задались вопросом, кто же этот человек, стоящий перед вами и так вас испугавший, — не переставал задавать вопросы незнакомец. — слишком внезапно появившийся из неоткуда. Я давно за вами наблюдаю, милая дама, как только вы сошли на берег, возле этого величественного и прекрасного дворца.

— Ваше преосвященство... вы правы... — наконец смогла произнести хотя бы несколько слов Адэлла, совершенно не своим голосом. — вы меня немного напугали.

Он был очень тихий и слегка дрожал. Девушка никак не могла с собой справиться.

— Вы правильно успели отметить мой сан. Я действительно являюсь кардиналом, наместником Папы здесь, в Венеции. — произнёс он, нарочито церемониально, как показалось, сложив молитвенно руки. — Кардинал Цезарио Дель — Бока, к вашим услугам, сеньорита. Теперь вы немного обо мне знаете и мне, в свою очередь, тоже хотелось бы немного узнать о вас, милое дитя. Как ваше имя?

— Графиня Вустер. Адэлла Вустер. — торопливо ответила девушка. — Монсеньёр, вас ещё что-то интересует?

Она учтиво поклонилась в знак своего уважения к его довольно высокому в церковной иерархии сану.

— Нет, юная синьора, мне этого вполне достаточно. — кардинал широко улыбнулся, обнажив свои ровные и белые зубы.

Девушка подняла на него взор и встретила с холодными, серыми глазами, рассматривающими её с огромным интересом. Лицо молодого мужчины обладало красотой, но какой — то суровой и холодной, слегка не обычной для уроженца итальянского побережья. Над глазами высоко взлетали светлые, густые брови, почти сросшиеся на переносице. Прямой римский нос и, в меру пухлые, плотно сжатые, губы делали его внешность весьма неоднозначной и очень запоминающейся. Молодой мужчина походил на нежного ангела, но с суровым, в чём — то даже жестоким, выражением лица. Именно такими, представляются многим древние римские боги, прекрасные и, в то же время, пугающие. Правильные черты лица обрамляли коротко стриженные светло — русые волосы, выгоревшие на венецианском, ярком солнце почти добела. Лишь кожа на щеках, покрытая лёгким загаром, выдавала в этом человеке истинного итальянца.

— Почему вы грустите, здесь, в полном одиночестве, прекрасная графиня Вустер? — вновь начал задавать вопросы кардинал, стараясь поддержать беседу. — Неужели, у нашего дожа не нашлось ни единой свободной минутки, чтобы удостоить вас своим драгоценным вниманием? Вот уж, никогда бы в это не поверил. Прекрасные сеньоры всегда пользуются при дворе его особой благосклонностью.

— Но, тем не менее, монсеньёр, вы встретили меня здесь, абсолютно одну. — в голосе девушки послышалось лёгкое раздражение и она опустила глаза, не в силах больше выносить назойливого взгляда кардинала Дель — Бока.

— Господь Бог всегда с вами, дитя моё. Он никогда вас не оставляет. — словно прочёл проповедь молодой князь церкви.

Но в его притягивающем взгляде проскользнули насмешливые нотки.

— Да, ваше высокопреосвященство. — согласилась девушка. — Вы несомненно правы и Господь никогда нас не оставляет, но иногда наступают такие моменты, когда тебя невольно посещают сомнения в его пребывании рядом, и даже в его существовании. Ведь порой, жизнь бывает очень жестока и не справедлива к нам, грешным чадам.

— Дочь моя, — печально вздохнул молодой мужчина. — я не в силах согласиться с вами, ибо вы совсем не правы. Бог существует и сомневаться в этом очень грешно. Это святотатство. Вы должно быть запутались, дочь моя, и я, пожалуй, возложу на себя обязанность, если конечно вы не против, помочь вам вновь встать на истинный путь нашей христианской веры, за которую проливали кровь и отдавали жизни мученики. За которую лилась кровь многочисленных рыцарей из святых орденов.

Его голос звучал тихо и вкрадчиво, почти шёпотом, как будто бы он рассказывал этой милой девушке некий секрет, известный лишь ему одному. Кардинал, несомненно, умел завоёвывать доверие и симпатию людей. И Адэлле не пришлось в этом усомниться. Она, почти с первых минут общения, почувствовала невероятную расположенность к этому, мало знакомому, человеку, служителю церкви и, наконец, просто привлекательному мужчине. Но отнюдь не это располагало её к нему. Кардинал Дель — Бока, в эту встречу, показался Адэлле добрым и великодушным и она, быть может, ждала от него помощи. Девушка, как никогда, жаждала разобраться в самой себе и понять наконец, что творится у неё в душе. А этот человек сам вызывался ей помочь. И она всегда будет благодарна ему за это и непременно воспользуется этой помощью. В Англии она очень мало молилась. И быть может, поэтому Господь не слышал её, когда она так громко взывала к нему, в минуты отчаяния. Теперь же, казалось, само небо посылало на её пути этого человека — князя святой христианской церкви, с внешностью ангела, и должно быть, такой же прекрасной и чистой душой.

— Графиня, — подойдя ближе, обратился к ней кардинал Дель — Бока. — вы мне так и не поведали, что же вас привело сегодня в этот дворец. Вы англичанка, я сразу это понял, как только увидел вас. Что же вас привело в наш чудесный город? Не томите меня любопытством, расскажите же, молю.

Его губы тронула лёгкая улыбка, но взгляд по прежнему оставался холодным.

— Да, вы правы, я действительно англичанка, и действительно, многим, возможно будет не понятно, что могло меня сюда привести. Но я вам сейчас постараюсь объяснить. Мы с... моим мужем, не так давно, вынуждены были покинуть наше родное королевство и приехать в этот город. Дождь ожидал нашего прибытия. Сейчас граф как раз у него на аудиенции. Большого мне не известно.

Кардинал Дель — Бока озадаченно потёр рукой лоб, затем внимательно посмотрел на девушку, и только после этого вновь спросил:

— А вы случайно не знаете, о чём именно они должны были говорить? Вам это тоже неизвестно? — в его голосе проскользнула еле уловимая надежда.

Мужчину, явно, очень интересовала эта тема. Это было заметно невооружённым взглядом и не могло не озадачить прекрасную графиню Вустер. Она, с лёгким волнением в голосе, произнесла:

— О нет, ваше высокопреосвященство, конечно, я не имею даже малейшего представления, о чём они могут сейчас беседовать с правителем этого прекрасного города. Быть может о политике, а быть может...

— О чём? — не терпелось узнать какие либо подробности кардинал Дель — Бока и он её прервал.

— Ни о чём. — тут же ответила девушка, понимая, что он явно очень заинтересован узнать ответ.

Но с какой целью ему это потребовалось? Почему он так открыто расспрашивает её, совершенно не стесняясь? Шпионы так явно себя не ведут. Или он принял её за глупышку, готовую раскрыть все секреты мужа своему пастырю. Но они даже не на исповеди.

— Я просто так сказала. — поторопилась она сменить тему разговора на менее щекотливую и волнительную. — Я ничего об этом не знаю, да и знать не могу. Муж не обсуждает со мной подобные вещи. Это только его дело. Его и сеньора дожа.

— Что ж, дело ваше, дочь моя. — вздохнув, произнёс кардинал, явно слегка расстроенный. — А теперь, я приношу вам свои извинения, но я вынужден вновь оставить вас здесь, совсем одну. Меня, к моему глубочайшему сожалению, ждут неотложные дела.

— Да, конечно, ваше высокопреосвященство, но когда мы сможем вновь увидеться? Мне порой так требуется чей — то мудрый и честный совет.

В голосе Адэллы прозвучала надежда. Кардинал лишь улыбнулся ей в ответ и медленно удалился, столь же тихо и незаметно, как и появился, оставив девушку, вновь, наедине со своими мыслями, в огромном пустынном зале. Время тянулось мучительно долго. Тишина начала давить на нервы, она словно проникала внутрь её тела. Графиня Вустер пыталась ей противостоять, но это оказалось не таким уж и лёгким делом.

— Графиня, мы, непременно, должны увидеться с вами завтра в соборе Святого Марка, например в полдень. — вновь в тишине раздался голос кардинала Дель — Бока.

Девушка обернулась на голос, но смогла увидеть лишь подол алой мантии, скрывшейся через мгновение за плотно закрытой, дубовой дверью. Этот таинственный человек, похоже, обладал особым талантом появляться и исчезать в самые неожиданные моменты, словно испаряясь, а затем вновь возрождаясь из ничего, чем крайне заинтересовал Адэллу. Ей захотелось, как можно больше узнать об этом весьма загадочном и молодом кардинале, прекрасном словно ангел.

— Отец, вам что-нибудь известно о кардинале Цезарио Дель — Бока? — спросила она отца, когда они пешком возвращались из Дворца Дожей.

Но граф Вустер ей ничего не ответил, он не имел ни малейшего понятия, о ком сейчас говорит его дочь. Да и откуда ему было знать о некоем кардинале, ведь они прибыли в город лишь сегодня? Да и его мысли сейчас были заняты совершенно другими вопросами и делами, именно по этим же делам он вновь направился во Дворец Дожей следующим же ранним утром

В самом сердце Венеции, на площади Святого Марка, где лагуна нежно обнимала берега города, возвышался великолепный дворец Санта — Вустера — изысканное архитектурное чудо. Построенный из нежно-розового известняка, дворец словно расцветал каменным кружевом над тёмной, зеркальной водной гладью. Его фасад был подобен симфонии архитектурных форм: витиеватые балконы с тончайшей резьбой, словно кружевные воротники на роскошных платьях придворных дам, спускались к самой воде. Каждый изгиб балюстрады, словно поэма из камня, где каждая деталь продумана с невероятной страстью итальянских мастеров XIV столетия. Широкие витражные окна, собранные из множества цветных стёкол, играли переливами света — то изумрудными, то сапфировыми, то янтарными бликами. Когда солнце касалось их своими лучами, дворец начинал сверкать, словно драгоценный камень, брошенный на бархатную венецианскую скатерть великолепной набережной. Внутреннее убранство тоже было торжеством роскоши и вкуса. Массивные дубовые панели с резными геометрическими орнаментами покрывали стены. Огромные каминные из белого мрамора с изящной готической резьбой были настоящим произведением рук мастеров. Пламя в них словно танцевало, отбрасывая золотистые блики на начищенную до блеска медь и серебро. Зеркала, в тяжёлых золочёных рамах, отражали интерьер, создавая иллюзию бесконечного пространства. Бархатные драпировки глубоких винных и изумрудных оттенков спускались мягкими складками, подчёркивая аристократическую сдержанность и величие парадных помещений дворца. Каждый элемент в

интерьере — от инкрустированных столов до резных стульев — дышал духом итальянского Возрождения, той самой магической эпохи, когда искусство было важнее золота, а красота — пожалуй, важнее власти.

— Дочь моя, — тихо произнёс сэр Альфонс, протягивая бокал с ароматным вином Адэлле. — я хочу, чтобы ты так же полюбила этот город и этот дворец, как когда то его любил я. Теперь это и твой дом.

— Да, отец, я постараюсь. Он несомненно прекрасен, как и сама Венеция. Я очень постараюсь полюбить их. Но грусть, при воспоминаниях о родине, всё равно не оставляет меня.

— Клянусь всеми святыми, ты ещё сможешь вернуться на родину. Клянусь. — произнёс граф Вустер и, отхлебнув из бокала большой глоток, замолчал.

Мужчина погрузился в размышления и воспоминания. А поразмыслить ему было над чем. Разговор с Антонио Веньером, состоявшийся сразу по прибытии в город, по прежнему не давал ему покоя. У дожа на графа очевидно были большие планы и надежды, и мужчина переживал, сможет ли он их оправдать в нужной мере. К тому же он не был посвящён во все планы венецианского владыки.

Адэлла томно потянулась под тонким атласным покрывалом, расшитом кружевом, когда её разбудила Мария, вошедшая в спальню молодой госпожи со всеми принадлежностями для умывания.

— Что — то произошло? — зевнув, спросила девушка, приподняв с подушки голову. — Который сейчас час? И где мой супруг?

— Скоро полдень, моя госпожа. — ласково улыбнувшись, ответила горничная. — Вы, как мне помнится, хотели вчера к полудню отправиться в собор Святого Марка, и я подумала, что пора вам уже просыпаться, иначе опоздаете. Нам стоит поторопиться.

Девушка тут же вскочила с кровати. Она, во что бы то ни стало, должна успеть и ни в коем случае не имеет права опоздать. Если сказано в полдень, то она будет там именно в полдень, и ни минутой позже. Иначе, что об ней подумает кардинал Дель — Бока? Что она весьма необязательная особа? Или, что она закоренелая грешница, погрязшая в пороках, которая даже один раз не может отказать самой себе в удовольствии подольше поспать, чтобы прийти в храм и послушать проповедь о спасении грешной души? Нет, Адэлла не могла такого допустить. Благо, их дворец Санта — Вустер располагался совсем неподалёку от собора. Из огромных, витражных окон можно было увидеть его порталы, буквально поражавшего своим великолепием.

Адэлла наспех оделась, причесалась, с помощью Марии, и торопливо покинула дворец, в её сопровождении. По пути девушки наняли небольшую, открытую гондолу, которая в считанные минуты доставила их к нужному месту. Гондольер был молодым, очень привлекательным и на редкость приветливым. Он широко улыбался, обнажая белоснежные и ровные зубы, стоило лишь девушкам одарить его мимолётным взглядом и не сводил с них своих чёрных, словно уголь, глаз. Это не могло не смутить пассажиров. Хорошо, что они быстро прибыли на место. Буквально выскочив из лодки и попутно расплатившись с гондольером, Адэлла тут же быстрым шагом направилась к собору. Мария еле поспевала за своей госпожой. Перед ними предстало прекрасное творение архитекторов, возводимое постепенно, в течении многих десятилетий. Это была крестово — купальная пятиглавая церковь, возводимая по образцу константинопольского храма Апостолов. Стены собора были облицованы мрамором, центральные купола и своды украшала мозаика. В нем смешались различные стили. Из храма с суровым романским фасадом, он постепенно превращался в весьма необычное строение. В его убранстве одновременно были использованы греческие и романские барельефы, а так же византийские и итальянские скульптуры и готические капители.

Когда Адэлла с Марией вошли во внутрь храма, там уже присутствовало очень много народа. Все они собрались в этих стенах, чтобы поприсутствовать на службе самого кардинала

Дель — Бока и послушать его воскресную проповедь. Этот молодой и красивый священник снискал их безграничную любовь. Он, казалось, возвышался над прихожанами, словно сам Господь Бог, и его вкрадчивый и тихий голос лился в полнейшей тишине, которую никто не посмел бы нарушить в тот момент. Не было слышно ни единого постороннего звука, лишь голос кардинала. В этом молодом священнике многие из прихожан видели, пожалуй, чуть ли не самого Спасителя и он весьма умело этим пользовался. Адэлла простояла весь остаток службы в первых рядах, не сводя глаз с прекрасного кардинала Дель — Бока. Она почти не слышала его слов, лишь видела, как менялось выражение его лица, когда он призывал прихожан к покаянию. Он, словно ангел возмездия, во время проповеди, возвышался над грехом и возможно отождествлял себя в этот момент даже с самим Всевышним.

— Кто этот человек? Почему мы так сюда спешили? — еле слышно спросила девушку горничная, когда кардинал направился в их сторону.

— Кардинал Цезарио Дель — Бока. — ответила Адэлла, она хотела сказать ещё что-то, но уже не смогла.

Мужчина в кроваво — красном облачении приблизился слишком близко.

— Графиня, дитя моё. — нарочито ласково прозвучал его вкрадчивый голос, почти в мёртвой тишине.

Служба уже подошла к концу и в соборе почти никого не осталось. Они трое и ещё пара прихожан, стремящихся перебраться с Цезарио хотя бы парой слов.

— Ваше высокопреосвященство, — со всем уважением произнесла Адэлла. — я сегодня стала свидетельницей огромного признания и любви прихожан по отношению к своему пастырю, и я от всего сердца признаю, что не могу к ним не присоединиться. Ваша проповедь была великолепна и затронула мою душу.

Она смущённо потупила свой янтарный взор, а на нежной и шелковистой коже щёк вспыхнул лёгкий румянец. Девушка вновь поймала на себе тот же, что и вчера загадочный взгляд кардинала, который и привёл её в столь явное волнение. Он был притягательным, волнующим и строгим одновременно, но разгадать его истинное значение было, пожалуй, не в её силах. Она ещё долго будет задаваться множеством вопросов, вспоминая серо — голубые, прекрасные глаза Цезарио Дель — Бока.

— Я бы хотел пригласить вас, милая сеньора, разделить со мной скромную трапезу в моём дворце. Если конечно, вы не имеете ничего против. — в не громко произнесённых словах улавливалось что — то такое, что нельзя было объяснить.

Всё их общение было буквально пронизано этими ощущениями. Этот тихий вкрадчивый голос, тембр с нотками нежности и снисходительности одновременно, а этот взгляд. Возможно, всё это являлось для кардинала, лишь обычной манерой общения, но быть может здесь крылось и что — то другое.

— Нет, монсеньёр, я не имею ничего против нашей совместной трапезы. — слегка улыбувшись, ответила Адэлла, поймав себя в этот момент на мысли, что противостоять воле этого человека пожалуй очень трудно, почти невозможно.

Хотя, в этой жизни очень трудно найти что — то действительно невозможное, и ей ещё предстояло в этом убедиться. Судьба ещё ни раз предоставит ей такой шанс.

Кардинал Дель — Бока жил в небольшом дворце, неподалёку от судостроительных верфей, в некоем отдалении от центральной части города. Адэлла, только вчера прибывшая в Венецию, с огромным интересом разглядывала всё, что попадалось ей на глаза, во время пути. Многочисленные водные каналы, подобные венам, вдоль и поперёк опутывали город, а его прекрасные дворцовые ансамбли, церкви и соборы величественно возвышались над ними. Все это великолепие не могло не обратить на себя внимание девушки. Но куда большее впечатление на неё произвело внутреннее убранство далеко не скромного жилища самого кардинала. Посреди огромного приёмного зала хозяина и гостю дождался накрытый стол из светлого дерева. На

нем остывал, приготовленный чьими — то умелыми руками, очень ароматный обед. Запах горячих блюд и специй распространился по всему помещению, до самого входа и вызывал в желудке неприятное ощущение сильного, почти животного голода. Кардинал определённо рассчитывал, что Адэлла согласится принять его приглашение отобедать, иначе вряд ли он бы заставил слуг наугад накрывать стол на две персоны. Блюда были подобраны с особым изыском, явно, чтобы произвести впечатление на знатную даму, к тому же иностранку.

— Какое прекрасное блюдо! — восторженно воскликнула девушка, когда первая ложка уже отправилась в её рот, а следом за ней вторая и третья.

Кардинал лишь покачал головой ей в ответ, а на губах расплылась лёгкая улыбка.

— Я искренне рад, что вам пришлось по вкусу то, что готовит мой повар. — произнёс он, прожевав и проглотив очередную порцию.

— Ваш повар просто волшебник. — немного помолчав, произнесла девушка. — Я по доброму вам завидую. В Санта — Вустере так не готовят. Нашему повару не помешало бы поучиться у вашего.

— Моего повара, Люка, я привез из Парижа. Он воистину мастер своего дела. С французами никто не может соревноваться во вкусе к любви и к приятной пище. — голос кардинала слегка дрогнул.

Адэлла подняла на него удивленный взгляд и уловила на лице мужчины мимолётную и странную улыбку, несущую неведомый для неё смысл. В его серых глазах вновь вспыхнул тот же таинственный блеск. Девушка поймала себя на мысли, что не в силах сейчас отвести глаз от этого чарующего и притягивающего взгляда светлых глаз, обрамлённых густыми чёрными ресницами.

— О. вы бывали в Париже? — почувствовав себя неловко, она попыталась сменить тему разговора. — Мне тоже удалось немного познакомиться с французскими землями. Но мои познания вряд ли сравнимы с вашими.

— Да. — ответил кардинал. — Я приехал оттуда, около полутора месяцев назад. Может чуть больше, или же меньше.

— Что же вас там привлекло? — не переставала интересоваться гостя, ей и действительно было очень интересно как можно больше услышать о стране, о которой прежде слышала лишь плохое.

Но теперь Французское королевство стало родиной Огненного волка — её дяди и покорило её сердце своей красотой, во время их путешествия с отцом.. Теперь ей хотелось как можно больше узнать об этих землях.

— Я жил там около полугода. — не имел ничего против этих расспросов кардинал. — Его Святейшеству Папе потребовалось моё пребывание в тех землях, как представителя Рима в своеобразный противовес авиньонскому Клементу.

— Ваше высокопреосвященство, — отправив в рот очередную ложку и запив красным, терпким вином, обратилась к нему девушка. — вы бы не могли немного рассказать мне об этой стране?

Кардинал лишь кивнул ей в знак согласия. Он молча посмотрел в её чарующие глаза и понял, что не в силах оторвать взгляда и произнести хоть слово, словно загипнотизированный. Его холодный, светлый взор тоже обладал некими гипнотическими свойствами. Он, казалось, был способен завораживать и пленять, помимо воли того, на кого был устремлён. Адэлла в полной мере сейчас ощущала это на себе. Сердце в её груди громко застучало, когда их взгляды встретились и, в смущении, она хотела опустить глаза или отвести их в сторону, но была не в силах это сделать.

— Адэлла, — наконец, к большому облегчению девушки, заговорил мужчина, прервав воцарившееся, неловкое молчание. — мы ведь сейчас не в соборе Святого Марка, и не во

Дворце Дожей? Нет? Так зачем же эти излишние церемонии? Ведь у меня тоже есть имя. Давайте станем друзьями!

Графиня Вустер кивнула в знак согласия.

— Моё имя Цезарио. — доброжелательно улыбнувшись, произнёс кардинал. — Цезарио Дель — Бока. Повторите.

— Да, Цезарио, — ответила она. — у вас прекрасное итальянское имя, оно великолепно сочетается с вашим благородным титулом. Кардинал Цезарио Дель — Бока. Звучит довольно властно.

— Давайте договоримся, моя дорогая, когда мы с вами одни, я для вас просто Цезарио. — откинувшись на спинку стула, произнёс молодой мужчина, отхлебнув из бокала глоток вина. — Не надо никаких кардиналов. Поверьте, порой мне становится настолько не по себе, что я готов бежать на край света, лишь бы больше не слышать о моём сане...

Он вновь поднёс к губам бокал с вином и жадно отпил разом несколько глотков. Его взгляд по прежнему был устремлён на гостью, но та делала вид, что этого не замечает, внимательно изучая содержимое своей тарелки.

— Вам не по душе быть кардиналом? — по прежнему не поднимая глаз, искренне удивилась Адэлла.

Ведь многие жизнь готовы были положить на алтарь славы и богатства, чтобы заполучить этот самый титул князя церкви.

— Бывает совсем не по душе. — ответил он. — Я порой чувствую себя недостойным этого титула. Мне кажется, что Господь накажет меня за ложь, за все те грехи, которые я совершил и ещё совершу в своей жизни.

— А вас есть за что наказывать? — лукаво улыбнувшись, спросила девушка, сама от себя не ожидая подобного. — Я думала, что служители церкви почти безгрешны. Неужели это не так?

В ней внезапно возникло непреодолимое желание подшутить над этим молодым человеком, возможно даже жестоко, и она искренне удивилась этому своему желанию.

— Да, поверьте, мне есть в чём покаяться перед Создателем. — немного помолчав, хриплым голосом ответил кардинал и в его глазах в этот самый момент отразилось нечто такое, чего девушка никогда раньше не видела.

Ей показалось, что это была глубокая и непреодолимая тоска. Молодой и невероятно красивый мужчина вновь откинулся на спинку стула и слегка подрагивающими пальцами растегнул тугой ворот своего красного облачения. Он явно нервничал, но тщательно скрывал это.

— Здесь очень душно. — глубоко вздохнув, продолжил он. — Адэлла, вы бы не хотели немного прогуляться? Мой дворец окружен зимним садом. Вы бы не хотели полюбоваться на цветы, которые в нём произрастают и даже цветут, несмотря на то, что сейчас самое холодное время года. В прекрасных кушах этого чудесного сада мы сможем продолжить наш разговор. Вы ведь не против, дитя моё?

Он обратил на неё полный надежды взор и девушка вновь не смогла сказать ему «нет». Через несколько минут их обоих уже окружали апельсиновые деревья и розовые кусты всевозможных видов. За толстыми, стеклянными панелями зимнего сада виднелось хмурое венецианское небо, цвета свинца и старого, не чищенного серебра. Мелкий, холодный дождь вновь заморосил по свинцовым переплёткам оранжереи, словно создавая призрачную завесу между суровой реальностью поздней осени и сказочной атмосферой внутреннего пространства. Апельсиновые деревья, привезённые из далёких южных провинций, стояли величественно, словно придворные вельможи. Их гляцевые, темно — зелёные листья контрастировали с нежно — оранжевыми плодами, которые светились, словно множество маленьких копий солнца среди густой листвы. Каждый плод — драгоценность, каждая веточка — произведение искусства, тщательно возвращённое руками опытного садовника кардинала. Розы были истин-

ным богатством этого убежища, спасающего от зимы и холода. Десятки сортов: от бархатисто — красных бургундских кустов, до нежно-розовых — прованских. Некоторые же сорта были старинные, привезённые из монастырских садов Тосканы, другие — экзотические, прибывшие на корабле с Ближнего Востока. Их аромат был подобен симфонии изысканных запахов: немного терпкий, немного сладкий, с лёгкой примесью корицы и далёких воспоминаний о летнем тепле и обжигающем солнце.

Мраморный пол оранжереи был выложен мраморными плитами, украшенными сложным геометрическим орнаментом — игра света и тени создавало иллюзию бесконечного движения. Медные трубы системы отопления тихо гудели, поддерживая идеальную температуру для экзотических растений. Бронзовые статуи по углам сада были молчаливыми свидетелями всего этого великолепия. Массивные дубовые скамьи с резными подлокотниками словно приглашали кардинала и его гостью насладиться этим чарующим миром, созданным вопреки суровости внешнего мира. Здесь царил абсолютный покой и торжество человеческого искусства над природой, торжество человеческого над божественным. Дневной свет, сквозь стеклянные окна, мягко рассеивался, создавая почти сакральную атмосферу, граничившую между молитвой и научным познанием, между земным и божественным. Этот зимний сад был не просто собранием многочисленных растений, а целым миром, где время останавливается, где роскошь встречается с научным любопытством, где каждый листок и каждый плод свидетельствуют о непревзойдённом вкусе и богатстве молодого кардинала Цезарио Дель — Бока.

Необычное сочетание цветочных и фруктовых ароматов вызвало восторг и ещё надолго останется в воспоминаниях девушки, как аромат самого этого прекрасного города, такой же дерзкий и нежный одновременно. Он одурманивал их обоих. Адэлла уже не была так сдержана и почтительна, как при утренней встрече, она громко и весело смеялась над каждой шуткой Цезарио, абсолютно позабыв, что перед ней всё же кардинал святой церкви. Пусть на его плечах и было надето ярко — красное облачение, но весьма юный возраст всё же делал своё дело. Они оба были почти ровесниками. Цезарио молод и необычайно привлекателен. Адэлла могла даже сказать, что он бесспорно очень красив. Сейчас, перед ней стоял юноша, который вполне мог бы ей быть старшим братом, таким же, как Рафаэль, о котором она пыталась не думать всё это время. Но всё равно, мысли, то и дело, вновь возвращались к нему и девушка безумно злилась на себя за это. Вот и теперь, в голове возникла мысль: «Неужели я так и не смогу забыть о нём? Он же отчаянно пытается больше не появляться в моей жизни и это, пожалуй, самое верное из его решений. Я тоже должна последовать этому примеру. Я должна. Боже, помоги мне в этом. Дай силы.»

— Адэлла, я чем — то тебя расстроил? — не мог не заметить внезапной смену её настроения молодой мужчина. — Что — то случилось?

Девушка вздрогнула от его голоса.

— Обернись ко мне. — слегка взволнованным голосом, ласково, словно обращался к ребёнку, попросил он. — Послушай, ты можешь поделиться со мной всем, что гложет твою невинную душу. Я же слуга Господа. Я с радостью выслушаю тебя и попытаюсь помочь, поверь мне.

Адэлла обернулась и встретилась взглядом со светящимися теплом и нежностью серо — голубыми глазами юноши. Они больше не казались ей такими холодными, как раньше. В них будто пылал огонь и можно было прочесть его самые сокровенные мысли.

— Милое дитя, расскажи мне всё. — почти шёпотом, вновь произнёс он, когда девушка отвела в сторону свой взгляд, терзаемая внутренними противоречиями.

Но она всё же смогла решиться быть наконец с кем — то откровенной.

— Хорошо ваше... Цезарио, я все расскажу. — голос её слегка дрогнул.

Оставались ещё лёгкие сомнения, а стоит ли это делать? Но она смогла их побороть и тихо продолжила:

— Рассказ мой может показаться долгим и странным. Но прошу, выслушайте меня до конца. Я впервые решаюсь кому — то всё это рассказать. Я сейчас буду говорить со слугой Господа и надеюсь что всё сказанное мной вас не слишком огорчит.

И она действительно рассказала Цезарию всё: про детство; про свою любовь к брату; про их взаимную, запретную любовь, страсть и желание; про то, как прошло их детство, в далёком и прекрасном Фиджеральд Парке; про то, как им обоим всегда было хорошо и спокойно в обществе друг друга. Рассказала девушка и о своём страдании вдалеке от самого дорогого её сердцу человека, и о том, что разум понимает, что так намного лучше и правильней, но её сердце не в силах это понять и тем более принять. Она рассказала всё, не утаив ничего о своём детстве, о своём брате и об их сильных чувствах друг к другу. Повела молодая графиня так же и о том, что ей пришлось пережить в Лондоне, при дворе короля, и о том, как она ужасно переживает о своём предательстве. Молодой кардинал Дель — Бока лишь молча слушал. За всё то время, что девушка говорила, он не проронил ни единого слова, не желая прерывать этот поток откровений. Она сейчас изольёт свою израненную душу и сразу станет легче. Сказать, что он удивлён было мало. Много он слышал во время исповедей, но такую эмоциональную он пожалуй слышал впервые.

— Теперь, ты наверное в ужасе. — наконец нарушил он воцарившуюся тишину. — Ты ведь наверное боишься, что после того, что ты мне сейчас так откровенно поведала, я осужу или отвернусь от тебя. Что, как и подобает священнику, прокляну тебя и назову грешницей. Не бойся, дитя моё! Я не стану этого делать. Я не имею на это никакого права. Кто я такой, чтобы винить тебя в чём либо? Твоя душа наконец может покаяться и очиститься после исповеди. Я же отпущу твои грехи и позабуду о них.

— Вы кардинал. — совсем тихо произнесла девушка, успевшая уже усомниться в правильности только что совершённого поступка.

— Что же это меняет? — ласково улыбнувшись, произнёс юноша. — Да, я кардинал. Это верно. Но в душе я довольно часто сожалею о своём сане.

— Разве красная сутана не спасает вас от всякого рода сожалений, святой отец? — очень удивлённо задала свой вопрос Адэлла. — Разве я не права? Разве...

— О чем ты? — прервал её юноша.

— Я говорю о вашем сане, о вашем кардинальском титуле. Вас бы самое время поздравлять. Так молоды, а уже носите кардинальскую мантию. Гордость и тщеславие должны, пожалуй, с вами идти рука об руку. И какое вам вообще может быть дело до какой-то юной дурочки, не познавшей ещё этой жизни? Вы ведь именно так думаете сейчас? — она постепенно готова была перейти на крик.

Её вдруг охватила непонятная злость и страх. Тело била мелкая дрожь.

— Зачем же ты так? — ещё тише, вновь повторил свой вопрос Цезарию.

Но Адэлла не могла на него ответить. Она не знала ответа. Что она говорит? Зачем она это говорит? Девушка не знала ответа ни на один из этих вопросов. В её голове всё перепуталось и по покрасневшимся щекам вдруг побежали слёзы боли и досады. Она попыталась их скрыть, но не тут — то было. К горлу подступили предательские рыдания. Слёзы застилали глаза и она уже не могла видеть, как в этот момент изменилось лицо Цезарию. Его исказила боль, но не физическая, а скорей душевная. Всё его существо словно раздирала надвое некая неведомая сила. Одна его часть в этот момент, обуреваемая низменными инстинктами и страстями, буквально кричала: «хочешь, бери её, грешную, прямо сейчас, пока она в твоей власти, пользуйся случаем, дурак, ведь другого может и не представиться». Другая же, ещё сохранившая в себе все те заповеди, которые завещал Христос, вторила вслед: «Не возжелай жены ближнего своего». Но о какой жене здесь шла речь? Семейные узы никогда не являются непреодолимым препятствием. Уж кому, как ни Цезарию, знать об этом. Да и Адэлла явно не думала о своём

супруге, когда отдавалась своему брату, ведомая преступной похотью. Она не столь безгрешна, как могло показаться на первый взгляд.

«Я должен оставаться спокойным» — сам себе внушал юноша, когда его лицо исказилось, и на нём проявилось все то внутреннее напряжение и борьба с самим собой, которые терзали его изнутри. Он был ещё очень молод и горяч и юное тело не редко требовало своё. Как же ему было, порой, тяжело бороться с этим. И иногда он поддавался этим соблазнам, но потом искренне раскаивался и просил у Бога прощения. Не у людей, ибо знал, что все они грешны. Тело его часто бывало слабо к соблазну, но дух ещё был довольно силён. Он боролся и иногда побеждал. Мысли о том, что он пастырь и должен спасти заблудшие души от гиены огненной, постепенно, и в этот раз вернули юношу в нормальное состояние. Дрожь в теле утихла. И лишь его взгляд не мог оторваться от Адэллы. Она была красива, очень красива, даже слишком. Сколько же соблазнов таило в себе её тело?! Цезарию не мог с собой ничего поделать. Он с вожделием, вновь и вновь, взирал на плавные изгибы девичьего тела, скрываемые платьем. А возбуждённое воображение уже рисовало её полностью обнажённой, золотисто — русые волосы рассыпаны по плечам, а в янтарных глазах полыхает пламя страсти. Именно такой он до безумия желал увидеть её прямо сейчас. Его молодое тело жаждало овладеть ею. Сердце в груди то стучало, как ненормальное, то вдруг замирало. Разум вновь отказывался подчиняться здравому смыслу. Мужчина на время позабыл, что носит красную сутану кардинала, позабыл он и об обете целомудрия, которым уже не раз пренебрегал. Более того, впервые за всё время, он поймал себя на мысли: «... а может ну его к чёрту? Зачем мне этот сан? Может бросить это всё и убежать с этой девушкой куда-нибудь далеко — далеко, где никто нас никогда не сможет найти? Забыть всё это, как страшный сон, и просто быть счастливым и делать счастливой её?». Он был готов всё бросить ради этого, хоть прямо сейчас. Даже ради одной ночи с мечтой. Эти мысли вновь и вновь посещали его с самой первой минуты их знакомства, словно наваждение. Прошло всего два дня, а он уже полностью лишился сна и покоя. Собрал все последние силы, он всё же смог вновь возобладать над чувствами и желаниями.

Адэлла стояла рядом, совсем рядом, но не увидела этих внутренних терзаний молодого мужчины. Когда слезы на глазах наконец — то высохли, он вновь был спокоен и ничто в поведении не давало повода заподозрить его в тех противоречиях, которые терзали его тело и душу, всего минуту назад.

— Ну же, не стоит плакать. — ласково приобняв её за плечи, произнес Цезарию. — Я совсем не хотел вас обидеть. Тем более, у меня не было цели заставить вас лить слёзы. Но раз уж так получилось, я бы хотел загладить свою вину. Поезжайте сейчас домой. Мой слуга поможет вам добраться до вашего дворца. Вы успокойтесь, а через несколько дней мы сможем вновь увидеться и поговорить. Я вам клянусь, что больше не будет никаких слёз.

В его голосе звучала искренняя нежность и на душе у девушки стало намного легче и больше не возникало желания лить слезы. Она очень устала и ей действительно требовалось немного времени, чтобы успокоиться. Девушка попрощалась с кардиналом Дель — Бока и, прильнув губами к его перстню, поспешно удалилась, вслед за его слугой.

В Санта — Вустер молодую графиню уже давно ожидали. Марии пришлось одной возвратиться из собора Святого Марка и теперь она не могла дожидаться, когда же наконец возвратиться и её госпожа. Граф Вустер, тоже, ещё не вернулся. Видимо, во Дворце Дожей накопилось не мало важных дел. Поэтому Адэлле крайне повезло и отец не узнал об её весьма длительном и волнительном отсутствии. Но, всё равно, ей не удалось избежать целой гневной тирады:

— Моя госпожа! — громко воскликнула взволнованная Мария. — Разве можно вот так поступать?!?! В незнакомом городе! С незнакомым мужчиной! Вы бы подумали, что скажет ваш муж, господин граф, когда вернётся! Ему это определённо не придётся по вкусу. Подумать только, обедать в доме у чужого мужчины.

Но в её голосе почти не было осуждения, в основном, лишь огромное беспокойство. Адэлла крепко обняла её за плечи и, слегка усмехнувшись, ответила:

— Не ругай меня, моя правильная Мария! Я совсем не заслужила этого. Ну что же плохого в том, что я пообедала с его высокопреосвященством? Он же не просто мужчина, а кардинал! — с её губ сорвался тихий смех с лёгкой ноткой горечи.

— Кардинал то он конечно, но всё же мужчина, а не святой! — возразила ей более умудрённая опытом горничная. — Кто сможет поручиться, что он не пожелает однажды согрешить? Хотя бы разок в своей жизни! Госпожа, вы поступили очень необдуманно.

Адэлла вновь улыбнулась ей в ответ. Она не могла поверить в то, что девушка ей говорила. Разве служители Богу могут так поступать? Конечно же нет! И Цезарио никогда бы не стал этого делать! Он сможет быть ей всегда лишь другом. Об обратном она даже думать не желала. Она искренне хотела видеть в нём друга, которого ей сейчас так не хватало.

Яркое, осеннее солнце уже освещало всю комнату. Его лучи буквально слепили юношу, так не желавшего открывать свои светло — серые глаза. Пол ночи он не мог их сомкнуть, тревожные мысли в голове не позволяли ему этого сделать. Вчерашняя дневная встреча с прекрасной графиней Вустер никак не давала покоя. Он даже написал ей небольшое письмо. Правда подпись ставить не стал. Девушка могла не понять столь нежных строк, написанных священником.

Так же, не давал покоя ему и двухдневный спор с приятелем, сыном нынешнего дожа Антонио Веньера, известным ловеласом Альвизе Веньером. Они дружили уже ни один год, такие похожие и такие разные.

— Цезарио, друг мой, ты говоришь, что она хороша собой? — с интересом расспрашивал он кардинала. — Что ж, в ближайшие дни, на званом ужине у отца, я обязательно к ней присмотрюсь повнимательней. Муж намного старше её. Должно быть, она скучает по молодым кавалерам.

Он громко рассмеялся и этот смех пришёлся Цезарио совсем не по душе.

— Я думаю, что она добропорядочная синьора... — возразил кардинал на предположение приятеля.

— А вот это мы и проверим! — прервал его сын дожа. — А заодно, и разузнаем, что за дела у её муженька с моим отцом. Мне это всё не нравится.

Он вновь усмехнулся, и было в этой усмешке что — то такое, от чего кардинала даже слегка покорибило. Похоже у Альвизе Веньера появились определённые планы насчёт юной Адэллы и это пришлось Цезарио очень не по душе. Он должен, во что бы то ни стало, помешать этим самым планам, ведь кому, как ни ему, было хорошо известно о ветреном и непостоянном характере сына дожа. Этот довольно красивый и молодой мужчина никогда не отличался святостью и добропорядочностью. Стоило ему, лишь увидеть молодую, замужнюю даму, как его охватывал особый азарт. Незамужние же, совсем зелёные девицы почти его не интересовали. Гораздо интересней и безопасней юноше казалось соблазнять чужих жён, которые были уже не девственны. Лишать невинности ради своей прихоти он всё же считал грехом, ибо тем самым можно было испортить всю жизнь несчастной девушке. Но и среди замужних синьор попадались особы, которые быстро успевали наскучить молодому повесе, но отказывающиеся принять тот факт, что их, внезапно вспыхнувшие, чувства, к сожалению, были ошибкой. Такие дамы обычно толпами бежали каяться к молодому кардиналу Дель — Бока. Каялись во всех мельчайших подробностях, но покаяние многих из них было не искренним. Красавец — кардинал же иногда снисходил до особого ритуала отпущения грехов. Юные грешницы находили покой в его не менее страстных объятиях. И многие из них, после этого, успокоив свою душу, возвращались в лоно семьи.

Но бывали и исключения из подобного сценария. Несколько лет назад, в 1383 году, Луиза Фетучинни, юная красавица, имела несчастье искренне влюбиться в Альвизе. Молодой мужчина позабавился с ней на славу, но чувства девушки пришлись ему не по сердцу и она быстро ему наскучила. Цезарио искренне жалел эту несчастную, которая к тому же забеременела от молодого ловеласа. Её старый муж не поверил в чудо зачатия и конечно же заподозрил жену в грехе неверности. Кардинал несколько раз пытался успокоить и разгневанного синьора Фетучинни, и наставить на истинный путь влюблённую, неверную жену, во время своих проповедей. Но девушка, словно вбила себе в голову, что Альвизе тоже её любит, и что они, во что бы то ни стало, должны быть вместе. Эта навязчивая идея не давала ей покоя и юная, неверная жена решила отравить своего опостылевшего и старого супруга. Несчастный скончался, но это ничего не изменило в жизни беременной синьоры Фетучинни. Сын Антонио Веньера ни в какую не согласился вернуться к ней. Ни вдова Фетучинни, ни её будущий ребёнок, ему были совсем не нужны. Когда беременная женщина наконец поняла эту, причиняющую боль, истину, печали её не было предела. Молодая вдова вскоре отправилась за своим покойным мужем, выпив тот же яд, но перед этим она написала правителю города письмо, где всё подробно ему рассказала о своём горе и о подлом предательстве молодого повесы, Альвизе. Дождь был очень разгневан, но, по прошествии некоторого времени, всё же простил своего единственного сына. Альвизе же поклялся отцу, что этого больше никогда не повторится и, впредь, его похождения не станут принимать столь скандального оборота. В противном случае он согласен будет понести заслуженное наказание. Кардинал Дель — Бока знал всю эту скандальную историю и, помня о печальной истории синьоры Фетучинни, очень опасался, что нечто подобное может случиться и с юной и наивной графиней Вустер. Вдруг, этот негодник, Альвизе сможет очаровать её, а потом разобьёт её и так истрадавшею сердце. Он не должен был этого ни в коем случае допустить.

Цезарио Дель — Бока очень хорошо знал своего друга, поэтому он особенно волновался за Адэллу. Она очень красива, и Альвизе обязательно будет ею очарован, как это бывало не раз, но потом он всё же остынет. Юноша знал это почти наверняка. Сын дождя привык быть во всём первым, в этом он очень походил на своего отца Антонио Веньера. Роль кардинала Дель — Бока была почти всегда всегда второй, ведь слуга Бога априори не мог быть ловеласом. Но на роль второго плана Цезарио был в этот раз не согласен. Альвизе не заполучит Адэллу. Он не допустит этого. Слишком сильно было его собственное желание обладать этой прекрасной девушкой. Слишком яростно он этого хотел. На этот раз, Альвизе не достанется даже вторая роль. Адэлла будет только его. Он не станет делить её ни с кем, даже с Господом Богом. Он готов бороться за это, не будь он Цезарио Дель — Бока.

— О, Адэлла, ты всё равно будешь моей, во что бы то ни стало. — прошептали его губы первые слова, стоило ему лишь проснуться. — Я клянусь тебе в этом. Моя.

Цезарио потянулся под атласным покрывалом и поторопился подняться с кровати. Впереди его ещё ожидало много дел. Сегодня, в первой половине дня, ему обязательно нужно прийти во «Дворец Дожей» на встречу с Антонио Веньером. Тот хотел обсудить нечто важное.

— Как графиня вчера добралась до своего дворца? — поинтересовался он у слуги, которому было поручено провожать Адэллу. — Все ли в порядке?

— Да, мой господин, дама была доставлена туда, куда вы приказали. — поторопился ответить тот, заметив, что для кардинала это действительно важно. — Но весь путь она молчала и была крайне печальной.

Цезарио застегнул на воротнике сутаны последний крючок и протяжно, задумчивым голосом, произнёс:

— Хорошо. Спасибо. Что — то ещё?

— Да, мой господин. Синьор Альвизе дожидается вас в гостиной. Он сказал что желает с вами завтракать.

— Что этому пройдохе здесь понадобилось? — с доброй иронией в голосе произнёс кардинал. — Завтрак уже подан? Молодой синьор Веньер ни в чём не нуждается?

— Нет, господин, конечно нет. Завтрак уже подан. Я бы очень удивился, если бы сегодня утром синьор Альвизе вдруг отказался от еды. Похоже, он опять всю ночь развлекался. Весь его внешний вид говорит об этом.

— Значит вино будет ему сейчас, как нельзя кстати. Ладно, пойдем узнаем, в чём же причина его столь раннего визита.

Кардинал быстрым шагом вышел из своей спальни и направился в гостиную. Со стола доносились волшебные ароматы. Повар в это утро постарался на славу. За накрытым столом сидел Альвизе, вид его был слегка потрепан, ворот рубашки расстегнут, в руке он держал большой бокал вина, наполненный до краёв тёмной, рубиновой жидкостью.

— О, кого я имею честь лицезреть! — воскликнул Цезарио. — С добрым утром, мой дорогой гость!

— Оно действительно доброе. — загадочно улыбнувшись, произнёс слегка заплетающимся языком сын дожа. — Но похоже не для тебя, мой дорогой, святой отец.

На его губах расплылась широкая улыбка.

— Отнюдь. — ответил кардинал, присев рядом за стол.

Слуги поторопились подать ему фруктовый десерт, политый сверху вареньем из лепестков роз. Их хозяин не мог по утрам плотно завтракать, единственное, что он мог заставить себя проглотить в столь ранний час, был любимый десерт. Он завтракал так каждый божий день.

— Судя по внешнему виду, ты не смыкал глаз со вчерашнего дня. Опять развлечения проглотили тебя с головой? Отец точно будет тобой не доволен. Да и меня опять будет винить в плохом влиянии на твою невинную душу.

— Зато, эта девица была очень довольна. — Альвизе жадно отхлебнул из бокала и продолжил. — Вдвойне довольна. Мы порадовали её вдвоём, можно сказать, почти одновременно...

На губах молодого мужчины расплылась широкая улыбка. Цезарио чуть не подавился своим десертом, услышав слова друга. Такого даже он не ожидал, хотя прекрасно знал степень развращённости своего приятеля. Он и сам, быть может, был бы не против иной раз поучаствовать в подобных, полных разврата и животной страсти действиях, но сутана кардинала не позволяла ему этого волнительного безобразия.

— Кто она? Если не секрет? — слегка дрогнувшим голосом спросил он, когда наконец прокашлялся.

— Не она! Не бойся! — громко рассмеялся Альвизе. — Хотя, кто знает! Может в ближайшие несколько дней мы и её порадуем вдвоём. Можно это сделать с тобой, если твоя красная сутана тебе не мешает. — он ещё громче расхохотался. — Только представь, мой дорогой кардинал...

Всё внутри Цезарио закипало, он гневно сжал кулак и со всей силы стукнул им по столу, на котором со звоном подпрыгнула посуда.

— Ты не посмеешь! — побагровев от злости, прокричал он. — Слышишь?!?! Не смей к ней даже приближаться!

Гневу юного кардинала не было предела. Альвизе ещё никогда не видел своего приятеля таким.

— Да успокойся ты! — воскликнул он, когда Цезарио встал со стула и его красная фигура, словно скала, нависла над ним. — Не стану я её делить ни с кем из своих друзей. Даже с тобой. Она прекрасна. Я видел её вчера утром, прикинулся гондольером и довёз их со служанкой до собора Святого Марка. Она торопилась к тебе на службу. О Боже, она прекрасна, как весенняя роза. Эти глаза, губы... ммм... Я стану её любовником, а ты святым отцом, отпускающим нам наши грехи...

— Ты не посмеешь! Оставь её в покое! — гнев в голосе кардинала нарастал. — Не смей к ней даже близко подходить! Не смей!!!!

— А иначе что? — встал из — за стола, в свою очередь, Альвизе Веньер. — Вспомни, ты священник, твоё дело отмаливать наши грехи! А наше дело грешить!

Они стояли, друг напротив друга, почти вплотную. Тела обоих были напряжены, словно натянутые струны. Казалось, вот — вот начнётся драка. Но Цезарио хватило самообладания первым взять себя в руки и он отступил на шаг назад, задев стул, стоящий сзади. Тот с грохотом опрокинулся на пол.

— Думаю, нам лучше поговорить в другой раз, сеньор Веньер! — уже более спокойным тоном произнёс он. — А сейчас, мне необходимо удалиться, меня ожидает ваш отец во дворце. Но не забудьте то, о чём я вас предупредил.

Он поспешно зашагал прочь из гостиной, оставляя сына дожа наедине с собой и недопитым вином.

— Не спускай с него глаз ни днём, ни ночью. — тих приказал он одному из слуг, при выходе из дворца. — Но делай всё так, чтобы он ничего не подозревал.

Путь до «Дворца Дожей» был не близким, через пол города, поэтому у кардинала Дель — Бока было достаточно времени, чтобы подумать. «Он её не получит. Она будет моей.» — словно наваждение, эти мысли не покидали разум, искушая его душу вновь и вновь. Всё его существо, каждая клетка его тела жаждала обладания этой невероятно прекрасной женщиной. Из последних сил мужчина гнал от себя эти греховные мысли, но они настойчиво, с новой силой, вновь и вновь возвращались. Он видел эту англичанку всего два раза. Но этого было достаточно, чтобы возникло ощущение, что он ждал её всю свою жизнь. Он почувствовал это с самого первого мгновения, когда увидел испуганные, янтарные глаза графини Вустер в тёмном, пустынном зале Дворца Дожей. И теперь, его никак не покидало осознание того, что именно с этой прекрасной женщиной будет связана вся его дальнейшая жизнь и судьба. И он НИ ЗА ЧТО не отдаст её Альвизе Веньеру. Он, пожалуй, готов отдать за это даже собственную жизнь.

Адэлла удобно устроилась на банкетке, обтянутой тёмным шёлком, поджав под себя обе ноги. Тёплый, венецианский, вечерний ветерок приятно ласкал кожу под атласным чёрным халатом, накинутым на обнажённое тело. Теплота ноябрьского вечера приятно поражала девушку, ведь у них, в далёкой и туманной Англии, иногда и в летние месяцы было гораздо холодней, чем здесь и сейчас. Пальцы сжимали небольшой клочок пергамента, тайно переданный ей одной из горничных. Она ещё раз пробежалась глазами по строкам, аккуратно выведенных чьей то неизвестной рукой:

«О, прекраснейшая госпожа, как я счастлив тому, что судьба однажды подарила мне встречу с вами. Пусть вы, вряд ли, когда — то заметите меня и, тем более, ответите взаимностью на мои нежные чувства. Но я, с того самого момента, как впервые вас увидел, являюсь счастливейшим из мертвых. Ибо могу со стороны наблюдать за вами, не причиняя вам совершенно никаких неудобств.

Ваш верный раб.».

Адэлла вновь и вновь вчитывалась в строки, пытаясь понять, кто же мог быть их автором. Но загадка так и осталась неразгаданной. Кроме Цезарио Дель — Бока, она ни с кем в этом городе не была знакома. Но кардинал не стал бы писать ей, да ещё так тайно, подобной любовной ерунды. Его сан этого бы не позволил. Она была абсолютно в этом уверена. Строки были написаны на английском, значит этот некто знал не только где они остановились, но и то, откуда они с отцом приехали.

— Госпожа, вам уже лучше? Вы меня напугали! — взволнованно произнесла Мария, заботливо массируя шею графини своими руками.

— Да, не стоит беспокоиться. У меня так иногда бывает. — отрешённо глядя вдаль, ответила девушка.

Она расположилась на просторном балконе, мечтая насладиться этим чудесным вечером, в полном одиночестве. Граф опять будет до поздна, на приёме у дожа Венеции. Но это её совершенно не расстраивало, а как раз наоборот, у неё появилось время разобраться в себе и в своих чувствах. Из головы почему — то не шёл образ молодого и привлекательного кардинала. А вдруг это всё же его письмо? Нет, этого не может быть. Она пыталась гнать эти мысли из головы, но они вновь и вновь возвращались.

— И давно это у вас бывает? — не желала оставить её в покое горничная, в голосе прозвучали нотки подозрения.

— Пару раз в пути меня беспокоили подобные недомогания, но это пройдёт, я уверена в этом. Это от усталости.

Мария посмотрела на девушку с каким — то нарочито пристальным вниманием. Графиня Вустер хотела уточнить у неё, в чем же все таки дело, но их прервал чей — то громкий и протяжный голос, доносившийся откуда то поблизости. Незнакомец нараспев кричал что — то на итальянском. Всё это сопровождалось музыкой. Адэлла подошла к ограждению балкона и, бросив взгляд вниз, увидела, что к дворцу подплыла гондола с двумя молодыми мужчинами в ярких одеждах. В одном из них девушка узнала вчерашнего гондольера, который помог им добраться до собора Святого Марка. Этот гондольер был молод и весьма хорош собой. Ещё вчера девушка не смогла этого ни отметить. Незнакомец пел какую — то итальянскую песню, второй аккомпанировал ему на чем — то, отдалённо похожем на лютню. Песня имела приятное звучание, но из всех её слов, Адэлла смогла разобрать лишь несколько. «Amore», что означало любовь, и «La belle» — красавица, прекрасная или что — то в этом роде. Значит автором письма он тоже вряд ли является.

— Госпожа, вам не стоит, в таком виде, показываться незнакомым мужчинам. Вы же почти нагая! — воскликнула Мария, как только пришла в себя от неожиданности.

Это красивое действие завораживало. Итальянцы страстные натуры и подобные её проявления здесь отнюдь не редкость, но для Адэллы и Марии это было очень необычно. Молодая графиня сделала вид, что не расслышала слова горничной. Ей было безумно интересно, что же будет дальше, кто этот незнакомец и зачем затеял всё это? Она ему приветливо улыбнулась. Кто этот гондольер, так романтично распеваящий итальянские песни, она не знала и даже представить не могла, что он может оказаться сыном дожа этого города. Альвизе же, увидев, что прекрасная синьора улыбается, запел свои песни ещё громче и протяжней.

— Госпожа, да послушайте же вы меня! — возмущенно воскликнула Мария и потянула к себе девушку за руку, что было силы.

Адэлла попыталась высвободить руку, но это было сделано напрасно. В результате этих резких попыток полы чёрного атласного халата сильно распахнулись и оба незнакомца были удостоены лицезреть обнажённую, упругую грудь девушки. Оба счастлиwicka взволнованно присвистнули. Пение внезапно прервалось. Альвизе не поверил собственному везению, и расценил произошедшее, как добрый знак, ведь не всегда ему удаётся так быстро насладиться видом обнажённой груди, той девушки, которую он так стремился очаровать. Адэлла, конечно, тут же запахла тонкую, скользящую ткань, но было уже поздно. Лицо и шея в один миг стали пунцового цвета. Девушка резко развернулась к горничной и, не раздумывая, залепила ей звонкую пощёчину.

— Простите, госпожа... — еле слышно пролепетала, не на шутку перепуганная девушка, когда до неё дошло, что она только что натворила. — Я не хотела... Боже... простите...

На глаза навернулись слезы. Она ожидала от госпожи весьма сурового наказания за эту дерзость.

— Не хотела? Да я тебе покажу! — вся во власти эмоций, громко закричала на служанку Адэлла. — Я тебя...

Но она не смогла договорить, видимо от переизбытка эмоций или от недомогания, все перед её глазами вновь резко поплыло, в ушах раздался звон и наступила полная темнота. Лишь спустя некоторое время, до сознания начали доноситься какие — то отдалённые голоса. Они настойчиво звали её. Девушка с трудом смогла открыть глаза. Что — то произошло. Она уже лежала на кровати в своей спальне и все вокруг были очень взволнованы, особенно Мария.

— Госпожа! Вам уже лучше? Как же вы нас напугали! — испугано лепетала она. — Надо позвать доктора!

— Нет! Не надо доктора! Все уже хорошо! — возразила Адэлла. — И не вздумайте рассказать графу о случившемся! Я вам запрещаю! Слышите меня?

— Но, моя госпожа!... — попыталась возразить девушка.

— Никаких, но! Я запрещаю вам об этом рассказывать! Слышите меня? Никто из вас ничего ему не расскажет! — раздражённо произнесла графиня Вустер. — А сейчас выйдите все! Я хочу побыть одна.

Все слуги тут же поспешили исполнить приказ молодой графини. Мария покинула покои последней, бросив на госпожу очень озабоченный взгляд. Адэлла наконец — то осталась одна и глубоко вздохнула. Ей нужно было успокоиться и очень хорошо все обдумать. В голову начинали закрадываться страшные подозрения, но она отказывалась в них поверить. Но факты преобладали над надеждой. В последний раз женские недомогания её посещали перед самым их с отцом отъездом в Лондон, и уже почти два месяца больше её не беспокоят. Девушку охватило сильное волнение, неужели она ждёт ребёнка?! Этого не может быть!! Ричард же подошёл к этому вопросу весьма обдуманно. Но она не могла сказать того же и о Рафаэле! Все внутри неё разом похолодело. Нет, этого просто не может быть!! Она не может ждать ребёнка от своего брата! Этого не может и не должно случиться! Не дай того Бог! Нет, это просто усталость и волнение! Через пару дней или неделю всё непременно образуется. Она твердо, всем сердцем, в это верила. С этими мыслями девушка погрузилась в тревожный сон. Тяжёлые мысли всё же не давали ей покоя и это несло своё отражение в ночных видениях. Ей снились чёрные небеса, разрываемые молнией напололам, полуразрушенные стены древнего храма и полуразмытые силуэты в чёрных одеждах.

Альвизе Веньер же вообще, так и не смог заснуть той ночью. Мысли и мечты о прекрасной и молодой графине Вустер не давали ему покоя до самого утра. Она была божественно прекрасна. Её образ вновь и вновь рисовался в его возбуждённом воображении. Эти слегка растрёпанные золотисто — русые волосы, белая и гладкая, словно мрамор кожа, небольшая, упругая грудь, всё это доводило его до безумия. Как же он желал прямо сейчас обладать этой юной красавицей, нежно и страстно, раз за разом, доводить её до восторга и изнеможения. Он сотни раз за этот вечер и ночь поклялся себе, что, во что бы то ни стало, добьётся своего. Графиня Вустер когда-нибудь обязательно станет его. Она будет принадлежать только ему и больше никому. Ни муж, ни тем более Цезарио не станут к этому преградой

— Адэлла, моя дорогая, что с тобой? Ты какая — то бледная. — взволнованно произнёс граф Вустер, когда дочь спустилась к завтраку в гостинную.

— Сэр... — хотела вмешаться в разговор Мария, но девушка одарила её таким негодующим взглядом, что та сразу замолчала, во избежание дальнейшего гнева своей госпожи.

— Со мной всё в порядке, просто спалось не очень хорошо. Эти песни под окнами, я никак не могу привыкнуть к обычаям этой страны. — поспешила она успокоить отца.

— У тебя ещё будет много возможностей и времени для этого. — более спокойным голосом ответил мужчина. — Например, сегодня же представится такая возможность. Его сиятельство, дож устраивает званый обед, где соберутся все влиятельные люди этого города. Будут не

только знатные сеньоры со своими жёнами, но и богатые купцы. Ты сможешь побольше узнать об этих людях, познакомиться с ними.

Адэлла была очень рада, что отец сменил тему разговора. Во время завтрака, он вкратце поведал ей об особенностях поведения при дворе дожа. Впрочем, оно не многим отличалось от поведения при дворе любого европейского монарха, в любом случае ему нужно выказывать безмерное почтение и больше слушать, чем говорить. Вчера вечером, в их дворец, по приказу графа, были привезены новые платья для молодой жены, чтобы она, ни в коем случае, не чувствовала себя неловко в английских, более скромных и закрытых платьях. Венецианки, в отличие от англичанок, носили более шикарные, яркие платья с очень откровенными декольте, еле прикрывающими грудь. Модницы гнались за красотой и иногда прибегали даже к опасным ухищрениям. Загорелая и смуглая от природы кожа считалась недостатком у красавиц и они щедро мазали её специальными, очень вонючими мазями, иногда даже опасными для жизни. Адэлл повезло больше, её, не привыкшая к солнцу, английская кожа была и без того бледна, а светлыми волосами её наградила природа при рождении. Так что по венецианским меркам графиня Вустер была истинной красавицей, способной обворожить и свести с ума любого. Платье, которое для званого обеда выбрал сам граф, гармонично дополнила весь её прелестный образ. Атласное, пышное, цвета слоновой кости, оно было обильно расшито жемчужинами и кружевом. Очень откровенное декольте, поначалу, очень смутило девушку, она ощущала себя почти голой. Но чёрное и золотое кружево сделали вырез намного более приличным. Волосы остались не убранными в причёску, их слегка придерживали золотые заколки в виде роз, и они, красивыми локонами, свободно ниспадали на обнажённые плечи.

В полдень, во Дворце Дожей (Palazzo Ducale) собралось очень много народу. Праздничные столы были накрыты в огромном колонном зале, где Адэлла впервые побывала в день события, несколько дней назад. Сейчас зал уже не был пустынным и тёмным. Он, казалось, представлял собой живое воплощение всего могущества и изысканности Венецианской республики. Массивные, серые, мраморные колонны, украшенные тончайшей резьбой, поддерживали высокие готические своды, расписанные сусальным золотом и лазурью. Широкие стрельчатые окна, обрамлённые белоснежным камнем, пропускали мягкий дневной свет, играющий бликами на начищенных до блеска металлических поверхностях. Вдоль стен были вывешены роскошные гобелены ручной работы, изображающие сцены морских сражений, библейские сюжеты и аллегорические композиции. Каждый гобелен — это целая история, вытканная шёлком и золотыми нитями, стоимость которых могла бы, пожалуй, прокормить целую английскую деревню. Длинный стол из редчайшего красного дерева, инкрустированный перламутром и слоновой костью, был уставлен посудой из серебра и венецианского стекла. Массивные, резные стулья с бархатными сиденьями ждали знатных гостей — патрициев, купцов и дипломатов из дальних стран. Огромные, бронзовые люстры с десятками восковых свечей создавали таинственное мерцание, отбрасывая причудливые тени на мраморный пол, инкрустированный сложнейшими геометрическими узорами. Лёгкий аромат можжевельника и корицы, привезённых торговцами из далёких восточных стран, смешивался с запахом воска и тончайшим ароматом дорогих итальянских вин. У дальней стены стояло массивное резное кресло дожа — символ верховной власти, обитое багряным бархатом с золотой вышивкой. Рядом с ним были выставлены знамёна и гербы могущественных венецианских семей, повествующие о славе, богатстве и процветании республики. Каждая деталь этого зала, от мельчайшей инкрустации и до монументальных росписей, говорила о непревзойдённом вкусе, богатстве и культурном величии Венеции эпохи Возрождения.

В этом зале Адэлла впервые встретила Цезарио Дель — Бока. Тогда, помещение показалось девушке мрачным и неприветливым, теперь же его наполняло множество голосов, сливавшихся в один сплошной монотонный шум, и лишь один голос словно выделялся из общей массы, он был звонкий и в то же время вкрадчивый — приятно завораживающий голос кар-

динала. Девушка повернула голову в ту сторону, откуда он доносился, и увидела знакомую ей, высокую и стройную фигуру в красной сутане, с массивным, золотым распятием на груди. Она невольно проследила взглядом, пока он не скрылся за одной из дверей, в другом конце зала. Кардинал Дель — Бока её не заметил, по крайней мере, ей так показалось. Но это было вовсе не так. Цезарио Дель — Бока сразу заметил среди толпы знакомую, стройную фигуру в золотом платье, но не подал вида. Ему не позволил это сделать его высокий сан. Внимание кардинала к прекрасной девушке может породить слухи, они постепенно начнут обрастать новыми и новыми подробностями и доказательствами, и в конце — концов это может положить конец его карьере. Он молод и очень привлекателен, а по городу и так уже ходит множество сплетен, о несдержанности в любовных утехх молодого красавца — кардинала. Согласно этим самым слухам, он переодевается в светскую одежду и путешествует по улицам Венеции в поисках очередной, молоденькой, смазливой любовницы. И в этот раз, Цезарио не хотел давать повод для очередной порции этих сплетен, тем более, что зачастую они были далеко не беспочвенны. Именно поэтому, он сделал вид, что не заметил юную графиню Вустер, гостью дожа и жену английского рыцаря. Но желание вновь увидеть янтарные глаза Адэллы, оказалось намного сильнее здравого смысла. Он, издавля, украдкой наблюдал за девушкой, в течении всего приёма, и еле смог сдержать нахлынувшие эмоции, когда увидел рядом с ней Альвизе Веньера, которого ей любезно представил сам Антонио:

— Синьора, вы прелестны. Мой сын не соврал. Он, вот уже несколько дней, жаждет знакомства с вами. — голос дожа был тихим и слегка певучим, как и у многих других венецианцев.

Дожд был высоким, в меру стройным мужчиной средних лет с правильными чертами лица и взором, слегка напоминающим орлиный. Его тёмные глаза с пристальным вниманием разглядывали новую знакомую.

— Синьор, — поклонившись, взволнованно произнесла девушка. — вы меня смущаете.

— Позвольте представить вам моего сына, Альвизе Веньера, он очень рад возможности наконец — то вас лицезреть. — голос дожа был все так же приятен.

Антонио был очень располагающим к женскому вниманию мужчиной. Девушка подняла свой взор на его сына, так настойчиво ей представляемого, в надежде, что он окажется не менее привлекательным, чем отец, и буквально остолбенела. Перед ней стоял тот самый, настойчивый гондольер, который пел серенады, под её балконом, прошлым вечером. Тот самый «счастливчик», который был удостоен лицезреть её обнажённую грудь. Щеки и шею девушки залила краска.

— Синьора, вы просто обворожительны. — произнёс молодой синьор Веньер. — Простите меня за подобные игры. Но влюблённое сердце безрассудно.

— О, синьор, — с трудом собравшись с мыслями, произнесла Адэлла. — Я ничего не понимаю... вы...

— Я слышал от своего друга, что вы обворожительны, и не мог упустить возможности увидеть вас воочию. А ждать этого момента несколько дней у меня просто не хватило бы терпения. Вы простите меня? — его губ коснулась мягкая, еле уловимая улыбка.

Адэлла, теперь, еще меньше, что-либо, понимала. Какой друг? О ком речь? Что, этому молодому мужчине, вообще, от неё понадобилось? В колонном зале стало очень жарко и девушка постаралась незаметно удалиться, в поисках более тихого и прохладного места. Голова слегка кружилась и ей сейчас был просто необходим глоток свежего воздуха. Наконец, звуки праздника слегка утихли, оставшись позади, и девушка обнаружила, что находится в пустынном, полутемном коридоре, который похоже вёл на один из многочисленных балконов. Адэлла поспешила туда, не в силах больше терпеть головокружение, вновь её охватившее. Наконец, оказавшись на улице, она принялась жадно хватать ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Её руки буквально вцепились в перила. Голова кружилась все сильнее, а в ушах раздался этот тревожный звон и вновь все поплыло перед глазами. Тело больше не слушалось её.

Девушка взмахнула руками в попытке удержаться и уже готова была упасть на каменный пол, но её хрупкое тело успели подхватить чьи — то сильные руки. Это был молодой синьор Веньер. Он направился следом за девушкой и во время успел подхватить её обмякшее, бесчувственное тело. Пальцы молодого мужчины крепко сжимали хрупкую талию, а голова её покоилась у него на плече. Альвизе с наслаждением вдохнул сладковатый аромат волос. Сердце в груди застучало быстрее, казалось его биение можно было слышать в тишине, царившей на балконе. Лицо девушки было подобно снегу, такое же белое, губы тоже побледнели. Мужчина понял, что несчастной нужен воздух, он поспешно расстегнул крючки корсажа, тем самым почти полностью обнажив её грудь. Теперь кружево почти не мешало ему увидеть все её прелести. Альвизе несколько мгновений боролся с самим собой, говоря себе, что воспользоваться сейчас беспомощностью девушки будет подлостью. Но безумие всё же овладело им и, запрокинув голову Адэллы, он впился губами в её нежную шею. Она была по-прежнему без сознания, но это уже не могло его остановить, им овладело безумство. Губы скользнули вниз, по белоснежной коже шеи и жадно впились в нежную груди. Адэлла, сквозь пелену, ощущала на своей коже страстные, обжигающие поцелуи, но ей казалось, что это происходит не с ней, не в реальности. Когда же губы мужчины позволили себе более откровенные ласки, сознание к девушке вернулось окончательно. Она открыла глаза и первое, что увидела, свою обнажённую грудь и губы Альвизе Веньера, жадно в неё впившиеся. Сказать, что она остолбенела, значит не сказать ничего. Она несколько секунд не могла пошевелиться. Её, ещё слегка спутанное, сознание пыталось определить, происходит ли это в реальности, или её мозг играет с ней свои шутки. Но нет, это происходило в реальности. Она ощущала обжигающие прикосновения на своей коже. В следующее мгновение, девушку охватило негодование и она, со всей силы, оттолкнула наглеца. Альвизе, не ожидая такой реакции, чуть не упал, но всё же сумел устоять на ногах, крепко обхватив тело девушки.

— Не смейте! Отпустите! — воскликнула Адэлла.

— Вам стало плохо и я помог вам! — невнятно пытался оправдываться молодой мужчина, его смущению не было предела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.